

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное образовательное учреждение
высшего образования

«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Учебно-научный центр
изучения этнополитических
и этнокультурных процессов

Языковая политика
в современной России:
проблемы и перспективы

Сборник
экспертных докладов

Москва
2018

УДК 323.1(470+571):811(08)
ББК 66.3(2Рос)я43+81.2я43
Я41

Ответственный редактор
М.А. Омаров
*доктор политических наук, профессор,
директор Учебно-научного центра изучения
этнополитических и этнокультурных процессов*

Рецензент
А.К. Магомедов
*доктор политических наук, профессор,
декан факультета культуры и искусства,
завкафедрой рекламы и связей с общественностью
Ульяновского государственного университета*

Содержание

Головки Е.В., Соколовский С.В., Шлуинский А.Б.

Языковая политика в контексте реализации «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года»	4
1. Совершенствование законодательства в сфере языковой политики	5
2. Правоприменительная деятельность в сфере языковой политики	16
3. Языковые ситуации и актуальные проблемы языкового планирования	22
4. Правовые статусы языков и уровни обеспеченности языковыми правами членов языковых сообществ	30
5. Выводы и рекомендации	43
Литература	51
Приложение	53

Мухарямов Н.М., Януш О.Б.

Языковая политика в регионах Российской Федерации с тюркскими титульными языками (на примере татарского языка)	61
1. Коммуникативное пространство татарского языка	61
2. Аналитические инструменты определения витальности языка	92
3. Татарский язык в информационно- политическом пространстве	107
4. Аналитическая модель в области планирования престижности татарского языка	123
5. Выводы и рекомендации	131
Литература	141

Е.В. Головки
доктор филологических наук, член-корреспондент РАН
Институт лингвистических исследований РАН
С.В. Соколовский
доктор исторических наук, главный научный сотрудник
Институт антропологии РАН,
А.Б. Шлуинский
кандидат филологических наук
Институт языкознания РАН

Языковая политика в контексте реализации «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года»

Преамбула

Среди основных вопросов государственной национальной политики Российской Федерации, утвержденной указом Президента Российской Федерации в декабре 2012 г. «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» названы «сохранение и развитие культур и языков народов Российской Федерации» и «обеспечение прав коренных малочисленных народов и национальных меньшинств». В констатирующей части этого документа, описывающей состояние межэтнических отношений, указывается, что в стране в государственной системе образования используются «89 языков, из них 30 – в качестве языка обучения, 59 – в качестве предмета изучения». Сохранение языкового многообразия населения страны рассматривается как общее достояние российской нации и находится под защитой государства.

Одной из важных задач государственной программы Российской Федерации «Реализация государственной

национальной политики», утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2016 г. № 1532, является «обеспечение права на сохранение родного языка из числа языков народов России, его изучение и развитие». В соответствии с ней в рамках государственной программы разработана подпрограмма 3 «Русский язык и языки народов России». Помимо этого, перечни задач, имеющих непосредственное отношение к реализации языковой политики, содержатся в других подпрограммах, в том числе в подпрограмме 1 – «Государственно-общественное партнерство в сфере государственной национальной политики Российской Федерации»; подпрограмме 2 – «Общероссийская гражданская идентичность и этнокультурное развитие народов России»; подпрограмме 4 – «Коренные малочисленные народы Российской Федерации»; подпрограмме 5 – «Социально-культурная адаптация и интеграция мигрантов в Российской Федерации» и в подпрограмме 7 – «Профилактика экстремизма на национальной и религиозной почве».

Целями экспертного доклада является оценка языковой политики с позиций сохранения языкового многообразия и предотвращения конфликтов и совершенствование законодательства и правоприменительной практики в сферах регулирования языка и образования.

1. Совершенствование законодательства в сфере языковой политики

Одной из проблем ныне действующего законодательства в области языка и образования являются остающиеся разночтения в толковании терминов и понятий, используемых в соответствующих законах, и терминологический разнобой, сказывающийся в правоприменительной практике, в частности – в работе судебных органов. Некоторые из наиболее острых проблем и противоречий описаны в данном разделе настоящего доклада, а также в параграфе «Языковые конфликты» и в финальных рекомендациях доклада.

Понятийный аппарат

Языковая политика

Существует узкое определение *языковой политики* как «совокупности идеологических принципов и практических мероприятий по решению языковых проблем в социуме, государстве», «составной части национальной политики» (Дешериев 1990: 616пл). При таком подходе языковая политика трактуется как политика государства в отношении проживающих на его территории языковых сообществ и/или языков и языковых прав человека. Авторы доклада исходят из более широкого понимания языковой политики, поскольку отдают себе отчет, что в ее реализации, помимо государства и его институтов, участвует множество других субъектов политики, включая региональные политические элиты, различные группы творческой интеллигенции и академической науки, бизнес элиты, лидеров и активистов различных общественных движений и неправительственных организаций, а также религиозных организаций и различных конфессий, университетских преподавателей и школьных учителей, студентов и школьников и их родителей, издательства, редколлегии газет и журналов, мигрантские сообщества и землячества и т.д. Таким образом, успех конкретных мероприятий в ходе реализации программ языковой политики (статусного и корпусного планирования языка), реформ и планов языкового развития, как и их эффективность зависят не только от усилий центральных или региональных властей и качества этих программ, но и от интересов всех перечисленных акторов и их отношения к конкретным мерам.

Следует отметить также наличие критики языковой политики различных государств, отмечающей неполный учет идеологических составляющих и историко-структурных факторов, что зачастую превращало регулирование конкретных языков в сфере образования в механизм институализации социальных и экономических неравенств (ср., например: *Tollefson*

1991: 16). Успешная языковая политика предполагает наличие: 1) программы действий с хорошо определенными целями и четкими критериями их достижения; 2) высокой эффективности (оцениваемой по изменению положения, статуса и объема использования конкретного языка) в сочетании с рентабельностью и демократическими процедурами принятия решений; 3) четкого представления о необходимых ресурсах и способах их привлечения; 4) логичного разделения функций между всеми участниками имплементации этой политики (Flensburg recommendations 2000).

Языковые права

Обеспечение языковых прав тесным образом связано с защитой других прав человека и прав меньшинств, поскольку их соблюдение выступает как необходимое условие для реализации прав в области образования и играет инструментальную роль в осуществлении прав на участие в политических процедурах и институтах и в общественной жизни, в том числе и права на свободу речи. В этих отношениях реализация собственно языковых прав встроена в контекст и существенно зависит от общей политики в отношении меньшинств, в том числе от государственной национальной политики, и является неотъемлемой частью последней. Несмотря на то, что языковые права рассматриваются как универсальные и фундаментальные, высокая экономическая стоимость их реализации и администрирования обуславливает вариацию объемов их применения, зависящую также от особенностей расселения носителей языка. Во многих европейских государствах в качестве минимума или пороговой численности говорящих для реализации их прав в сфере образования обычно используется двадцатипроцентная административно-территориальная квота (в Македонии этот порог применяется для всей территории страны).

Противоречие между фундаментальным (нетерриториальным) характером языковых прав и фактической ограниченностью их применения конкретными административными территориями усложняет языковую политику государственных органов и правоприменительную практику в данной сфере. В случае российского законодательства

это противоречие проявляется в наличии двух различающихся статусов, обозначаемых единым термином «государственный язык» (официальный язык государства в первом случае и язык/языки титульного населения республик в составе Российской Федерации – во втором). Необходимо отметить, что это противоречие существует не только в форме разногласий между федеральным и республиканскими законодательствами, но и на уровне собственно федерального законодательства в виде противоречивого применения отдельных норм законов «О языках народов Российской Федерации» и «О государственном языке Российской Федерации».

Государственный язык

Язык, признанный официальным на всей территории государства. В Российской Федерации – это русский язык. Во многих странах вместо термина «государственный язык» используются термины «национальный язык», «официальный язык».

Официальный язык

Язык, используемый в органах государственной власти, администрации и судах, в документообороте этих органов и в коммуникации граждан и организаций с этими учреждениями. Статус официального языка обычно закреплен законодательно.

Родной язык

Первый усвоенный язык, как правило, совпадающий с языком семейного общения. У человека может быть несколько родных языков (языков, освоенных естественным путем в раннем детстве). Термин «родной язык» часто используется также для этнического языка (в том числе в большинстве нормативных документов), но необходимо различать эти понятия.

Этнический язык

Язык, связанный с этнической идентичностью, но не используемый данным человеком в повседневном общении и вообще им не освоенный. В ряде стран такие языки обозначают термином «унаследованный язык» («heritage language»). Для

данного понятия часто также используется термин «родной язык» (в том числе в большинстве нормативных документов), но необходимо различать эти понятия. У человека может быть несколько этнических языков (неиспользуемых фактически языков идентификации).

Второй язык

В отличие от родного языка, который осваивается естественным путем в раннем детстве, второй язык (вторые языки) осваиваются в результате целенаправленного обучения. Важно учитывать, что эффективное обучение вторым языкам опирается на специальные методики, существенно отличающиеся от методов углубленного изучения родного, то есть освоенного с детства языка. Встречающиеся на практике попытки использовать единую методику для углубленного обучения родному и обучения второму языку обусловлены незнанием с современными методами обучения языкам, либо нехваткой ресурсов (специальных учебников, учебных пособий, подготовленных учителей и качественных образовательных программ и стандартов).

Языковая дискриминация

Дискриминация на почве языковых отличий, нередко проявляющаяся в сферах правоприменительной практики, управления (включая ограничения на профессию), крупного и мелкого бизнеса.

Международные обязательства Российской Федерации в области защиты языковых прав и недискриминации

Языковые права граждан защищаются нормами международных соглашений и в области прав человека и защиты прав национальных меньшинств. Российская система защиты языковых прав, включая реализацию этих прав в системе образования, опирается на совокупность норм и принципов международного права, соответствующие конституционные

нормы, нормы федеральных и региональных (законодательства субъектов Федерации) законов.

Российская Федерация, являясь членом ООН и ряда региональных международных организаций, в соответствии с подписанными и ратифицированными международными соглашениями в области прав человека и национальных меньшинств, включая Устав ООН (1945), Конвенцию о защите прав человека и основных свобод (1950) (включая Протоколы к ней 1, 4 и 7); Конвенции ЮНЕСКО о борьбе с дискриминацией в области образования (1960) и об охране нематериального культурного наследия (2003), Международный пакт о гражданских и политических правах (1966); Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (1966); Международную Конвенцию о ликвидации всех форм расовой дискриминации (1966); Конвенцию о правах ребенка (1989); Декларацию ООН о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам (1992); Рамочную Конвенцию Совета Европы о защите национальных меньшинств (1995), взяла на себя международные обязательства в сферах прав человека и защиты прав меньшинств, включая обеспечение языковых прав и соблюдение принципов недискриминации. Целью этих и других международных документов (включая также такие документы международного регионального права как Гаагские рекомендации о правах национальных меньшинств на образование /1996/; Ословские Рекомендации по языковым правам национальных меньшинств /1998/; Лундские рекомендации об эффективном участии национальных меньшинств в общественно-политической жизни /1999/; Рекомендация Комитета министров Совета Европы «О преподавании языков сопредельных государств в приграничных регионах» /2005/ и «Модельный закон о языках» СНГ /2004/; политические рекомендации Европейской Комиссии против расизма и нетерпимости) является создание международной системы гарантий для обеспечения защиты прав лиц, относящихся к национальным меньшинствам, и недопущения дискриминации по зафиксированным в соответствующих международных соглашениях признакам, включая язык.

Документы ООН, Совета Европы, ОБСЕ, СНГ политически и морально обязывают их членов придерживаться разработанных ими критериев, однако не вмешиваются в системы государственных юридических норм, и многие вопросы, касающиеся защиты прав в области языка и образования, остаются в компетенции отдельных стран. В этом отношении Стратегия государственной национальной политики должна рассматриваться как инструмент гармонизации норм международного права и законодательства страны, на основе выбора приоритетных направлений законотворчества в данной сфере. Приводимое ниже сопоставление норм российского законодательства и соответствующих положений международного права (см. Приложения, *Таблица 1*), а также анализ правоприменительной деятельности в Российской Федерации, позволяют уточнить приоритетные направления для совершенствования законодательства в сферах языка и образования.

Следует отметить, что существуют и международные документы в области языковой политики, которые в настоящее время не распространяются на Российскую Федерацию. Так, Российская Федерация не ратифицировала Европейскую хартию региональных языков или языков меньшинств, принятую Советом Европы в 1992 г. и обеспечивающую защиты прав миноритарных языков. Представляется целесообразным вернуться к вопросу о ратификации этой хартии, в том числе в отношении языков коренных малочисленных народов Российской Федерации.

Конституция Российской Федерации

Конституцией Российской Федерации (ч. 2, ст. 71, п. в) установлено, что регулирование и защита прав национальных меньшинств находятся в ведении Российской Федерации, при этом, защита прав национальных меньшинств находится в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации (ст. 72, п. б). Российская Федерация гарантирует всем её народам право на сохранение *родного языка* (как собственно родного языка, так и этнического языка), создание условий для его изучения и развития (ч. 2, ст. 68, п. 3).

Конституция Российской Федерации также устанавливает, что:

– *государственным языком* Российской Федерации на всей её территории является русский язык (ч. 1, ст. 68);

– республики вправе устанавливать свои *государственные языки*. В органах государственной власти, местного самоуправления, государственных учреждениях республик они употребляются наряду с государственным языком России (ч. 2, ст. 68);

– запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства (ч. 2, ст. 29).

Важней конституционной нормой, закрепленной в Статье 26, остается право на пользование родным языком и на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества.

Следует отметить, что наличие двойственной трактовки понятия «государственный язык» (в значении общенационального официального языка и официального языка и языка школьного образования на уровне республик) продолжает порождать практические коллизии и требует дальнейшего уточнения или разведения терминов в правоприменительной практике. Необходима дальнейшая работа над разграничением компетенций органов управления федерального уровня и уровня субъектов Федерации в сферах языковой и образовательной политики на основе соблюдения конституционных норм, регулирующих государственную национальную политику.

Законодательство и законотворческая деятельность в сфере языка и образования

Обеспечение языковых прав граждан в России имеет ряд особенностей, к числу которых можно отнести:

1) специфику российского подхода в трактовке понятия «меньшинство»;

2) отсутствие общедолевого закона о меньшинствах при наличии международных обязательств в этой сфере;

3) разнообразие реальных правовых режимов обеспечения прав меньшинств в субъектах РФ (включая языковые права принадлежащих к меньшинствам лиц), обусловленное наличием или отсутствием специальных правовых инструментов в законодательстве субъекта Федерации.

Законодательство Российской Федерации в сфере регулирования языковых прав основывается на совокупности законов федерального и регионального уровней, основными из которых являются:

- Федеральный закон «О языках народов Российской Федерации» от 25 октября 1991 г. № 1807-1;
- Федеральный закон «О государственном языке РФ» от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ;
- Федеральный закон «Об образовании» от 10 июля 1992 г. № 3266-1;
- Основы законодательства Российской Федерации о культуре от 9 октября 1992 г. № 3612-1;
- Постановлении Правительства РФ «О порядке утверждения норм современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка РФ, правил русской орфографии и пунктуации» от 23 ноября 2006 г. № 714 и др.;
- Конституции (Уставы) субъектов Российской Федерации, законы субъектов Российской Федерации о языках, в том числе Конституции Республики Дагестан от 10 июля 2003 г. (ст. 11), Устав (Основной закон) Алтайского края (ч.1, ст. 13), Закон Республики Татарстан «О государственных языках Республики Татарстан и других языках в Республике Татарстан» от 8 июля 1992 г. № 1560-ХП и другие нормативно-правовые акты субъектов Российской Федерации.

В соответствии с положениями конституций республик в составе Российской Федерации статусом государственного языка, помимо русского, в республиках обладают следующие языки: в Адыгее – адыгейский (ст. 5); в Республике Алтай – алтайский (ст. 13); в Башкортостане – башкирский (ст. 1); в Бурятии (ст. 67) – бурятский; в Дагестане – языки народов Дагестана (ст. 11); в Ингушетии – ингушский (ст. 14); в Кабардино-Балкарии – кабардинский и балкарский (ст. 76); в Карачаево-Черкесии –

абазинский, карачаевский, ногайский и черкесский (ст. 11); в Калмыкии – калмыцкий (ст. 18); в Республике Коми – коми (ст. 67); в Республике Крым – крымско-татарский и украинский (ст. 10.1); в Республике Марий Эл – марийский (горный, луговой – ст. 15); в Мордовии – мордовский (мокшанский, эрзянский – ст. 12); в Северной Осетии – осетинский (ст. 15); в Татарстане – татарский (ст. 8); в Республике Тыва – тувинский (ст. 5); в Удмуртии – удмуртский (ст. 8); в Хакасии – хакасский (ст. 69); в Чечне – чеченский (ст. 10); в Чувашии – чувашский (ст. 8); в Якутии – якутский (ст. 46). В некоторых конституциях и уставах субъектов Российской Федерации закреплены гарантии языковых прав носителей языков национальных меньшинств и коренных малочисленных народов Севера, которые признаются официальными в местах компактного проживания этих народов (ср.: Конституция Республики Якутия, ст. 46). В некоторых субъектах РФ действуют отдельные законы о языках, но в других такие законы еще не приняты.

Одним из недостатков существующей системы правового регулирования языковых отношений в Российской Федерации является терминологический разнобой в формулировании правовых норм в законодательстве федерального и регионального уровней, где используются термины «государственный язык», «титულный язык», «официальный язык», «язык межнационального общения и официального делопроизводства», «язык большинства», «региональный язык», «языки народов Российской Федерации», которые в различных законодательных актах имеют разные определения и толкования. В федеральном и республиканском законодательствах отсутствует разграничение понятий «государственный язык» и «родной язык», а понятие «родной язык» может подразумевать как собственно родной язык, так и этнический язык. В государственных образовательных стандартах недостаточно определен порядок изучения государственных языков республик в составе Российской Федерации. Нечеткость правовых определений порождает разногласия и ошибки в правоприменительной практике. Таким образом, актуальной задачей законодательных органов должно стать более четкое разграничение статусов языковых сообществ, компетенции органов управления федерального уровня и уровня

субъектов федерации, а также уточнение терминологии в сфере языковой политики.

В связи с остротой вопроса о добровольном выборе языка обучения, а также места, объема и методики обучения неродным языкам помимо официального языка страны (русского) целесообразно разработать общедофедеральные стандарты обучения родным языкам для начальной и средней школы, а также отдельные стандарты для учащихся, у которых изучаемый язык не является родным или языком семейного общения, поскольку методика преподавания языка в этом случае должна строиться иначе, чем методика преподавания первого языка, то есть языка, усвоенного с раннего детства. Пренебрежение этим принципом ведет к неэффективности преподавания и росту недовольства качеством образования, как со стороны родителей, так и со стороны самих учеников.

Языковые права ребёнка

Российская Федерация ратифицировала международную Конвенцию ЮНИСЕФ о правах ребенка (1989), статья 30, которой гарантирует право пользования своим языком: «В тех государствах, где существуют этнические, религиозные или языковые меньшинства или лица из числа коренного населения, ребенку, принадлежащему к таким меньшинствам или коренному населению, не может быть отказано в праве совместно с другими членами своей группы пользоваться своей культурой, исповедовать свою религию и исполнять её обряды, а также пользоваться родным языком». Международное право фиксирует также права ребенка на обучение официальному языку/языкам государства.

2. Правоприменительная деятельность в сфере языковой политики

Координация органов управления в сфере языковой политики и образования

Обеспечение права на свободный выбор языка обучения и гарантирование соблюдения принципа недискриминации на языковой основе требует согласованного действия многих государственных и негосударственных учреждений и организаций и четкого разграничения компетенции органов управления федерального уровня и уровня субъектов Федерации в сфере языковой политики. В Российской Федерации субъектами реализации языковой политики являются ее административные и судебные инстанции. Ключевыми учреждениями в этой сфере являются Федеральное агентство по делам национальностей и Министерство образования. Важным источником информации о языковом разнообразии являются всероссийские переписи населения, организуемые Росстатом и социолингвистические исследования, реализуемые институтами Российской Академии наук и университетскими исследовательскими центрами. Оценка эффективности правового регулирования языковой политики должна стать постоянным элементом в деятельности органов государственного надзора и института уполномоченных по правам человека. Наконец, гражданский сектор – неправительственные организации, в сферу деятельности которых включена защиты языковых прав или поддержка языков – способны обеспечить независимый мониторинг языковых ситуаций и оценку эффективности конкретных направлений языковой политики. Координация деятельности всех перечисленных субъектов языковой политики может осуществляться особым органом под эгидой либо Федерального агентства по делам национальностей (Федеральной лингвистической службой), либо под эгидой Общественной Палаты (особым координационным органом или бюро по образцу Европейского Бюро по проблемам менее распространенных языков, в состав которого должны войти, помимо лингвистов,

региональные представители от конкретных языковых сообществ и НПО).

Роль Министерства образования и науки Российской Федерации, Федерального агентства по делам национальностей в реализации языковой политики

С учетом необходимости дифференциации обучения языкам и на языках в зависимости от стартового уровня владения конкретными языками (родной язык, этнический язык, второй язык, государственный язык) необходимо разработать и внедрить различные федеральные стандарты языкового образования, отдельные серии учебников и учебных пособий, специализации учителей родного и вторых языков для эффективного использования учебного времени при обучении языкам и на языках народов России (при этом надо учитывать, что во многих случаях речь идет об изучении этнического языка, который фактически не является родным, а потому преподается и изучается как второй язык). Отсутствие такого рода дифференциации в методиках обучения до сих пор порождает конфликты, а нарушение принципа пропорциональности в поддержке государственных республиканских языков приводит к снижению качества образования, не говоря уже о массовых нарушениях конституционного права на свободный выбор языка обучения.

Министерству образования в координации с Федеральным агентством по делам национальностей, в чью компетенцию входит разработка и реализация государственной национальной политики, включая ее языковые компоненты, необходимо разработать и внедрить новые федеральные образовательные стандарты в отношении изучения родных и вторых языков на всех уровнях школьного образования и соответствующие программы подготовки или переподготовки учителей. Федеральное регулирование образовательных стандартов и регламентация объемов изучения родного и государственного языков позволило бы снять текущую напряженность, возникшую в ряде субъектов

федерации как раз в результате отсутствия соответствующей регламентации.

Роль органов государственного надзора

В соответствии с Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации» (1992) она представляет собой «единую федеральную централизованную систему органов, осуществляющих от имени Российской Федерации надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, действующих на территории Российской Федерации». Таким образом, контроль над правоприменительной деятельностью и рассмотрение систематических нарушений в сфере языка и образования возложены на органы прокурорского надзора, которые в этом случае обеспечивают эффективность правового регулирования языковой политики. Еще одним регулятором и самостоятельным актором в сфере политики в области образования является Рособрнадзор.

В ходе недавних проверок деятельности образовательных учреждений Генпрокуратура нашла нарушения «принципа добровольности» изучения родных языков во всех национальных республиках. В соответствии с действующими стандартами образования уставами школ школьные учреждения с согласия родителей учеников и при их участии формируют вариативную часть учебного плана, составляющую 20 процентов учебного времени, которая может заполняться как дополнительными уроками по основным дисциплинам для их углубленного изучения, так и другими предметами, например, еще одним иностранным языком, краеведением, изучением права, логики и родных (собственно родных или этнических) языков. Прокурорские проверки выявили, что, например, в Татарстане практически все резервные часы учебного плана без согласования с родителями и даже вопреки их протестам были отведены преподаванию татарского, который в качестве государственного языка республики преподавался также и как предмет основного школьного курса, в результате чего число часов на преподавание русского у учеников всех национальностей оказалось примерно на

треть меньше, чем татарского. Еще одной причиной недовольства родителей было низкое качество преподавания татарского и неадаптированность программы обучения к возможностям школьников, у которых языком семейного общения был иной язык. В результате значительная часть учебного времени тратилась неэффективно, снижая конкурентоспособность школьников по сравнению с другими регионами. Рособрнадзор (Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки) и Генпрокуратура выявили аналогичные нарушения практических во всех республиках.

Следует, однако, отметить, что сокращение часов преподавания предметов основного курса (включая русский язык и литературу) за счет увеличения часов преподавания государственных республиканских языков вряд ли является единственным правовым нарушением в сфере языковых прав. Другим не менее распространенным нарушением таких прав оказывается нежелание или неспособность местных администраций обеспечить обучение на родных языках хотя бы на уровне начальной школы при достаточном числе таких учеников в конкретной местности, как и недостаточное использование таких уже хорошо апробированных форм обучения как малокомплектная национальная школа или дистанционное обучение.

Органам государственного надзора следует обратить особое внимание на соблюдение конституционного права на выбор языка обучения, эффективность существующих программ языкового обучения и на выявление проблемных мест, приводящих к нарушениям существующих правовых норм в области языка и образования.

Роль уполномоченных по правам человека

Федеральный конституционный закон от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» и Федеральный закон от 6 апреля 2015 г. № 76-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования

деятельности уполномоченных по правам человека» закрепили порядок назначения, функционирования, права и обязанности уполномоченных по правам человека на федеральном уровне и в субъектах Российской Федерации, а также требования к кандидатам на эту должность. Как независимый институт, смысл существования которого заключается в защите прав человека и обеспечении своевременного рассмотрения жалоб «граждан России, иностранных граждан и лиц без гражданства, находящихся на территории субъекта РФ», этот орган мог бы играть более активную роль в разрешении языковых коллизий и конфликтов. Существующий статус и действующие мандаты региональных уполномоченных позволяют осуществлять соответствующие проверки жалоб, и отсутствие реакции на нарушение прав на выбор образовательного стандарта, включающего определенные языки обучения и языки-предметы в отдельных регионах Российской Федерации следует рассматривать как недостаток в работе этого института.

Роль Росстата

Существовавшие в прежних переписях населения языковые программы, включая Всероссийскую перепись населения 2010 г., оставаясь уникальными источниками для языкового планирования в отношении охвата населения страны, остаются несовершенными в плане выявления потребностей населения отдельных регионов в преподавании конкретных языков и обучении на этих языках. Лингвисты и этнологи уже неоднократно предлагали Росстату более точные формулировки в отношении уяснения уровней владения и использования языков, разделении категорий практически используемых языков, являющихся родными, и этнических языков, называемых родными по признаку идентичности (этнического происхождения опрашиваемого), однако этот диалог пока не привел к удовлетворительному результату. Между тем, выяснение, например, языка семейного общения в ходе микропереписей населения, могло бы помочь совершенствованию программ школьного обучения, позволило бы планировать подготовку

необходимого числа учителей и предупреждать конфликты по поводу программ языковой подготовки, возникающие в сфере школьного образования. Поскольку перепись 2020 года уже близка, необходимо незамедлительно приступить к разработке научно обоснованной языковой программы переписного инструментария.

Роль неправительственных организаций

В международной практике отсутствует общая модель, регламентирующая роль неправительственных организаций (профессиональных ассоциаций, землячеств, правозащитных организаций и пр.) в реализации языковой политики. Существуют, однако, так называемые «Фленсбургские рекомендации» (2000) по эффективному демократическому и рентабельному осуществлению языковой политики, включающие описание демократических процедур и роль гражданского сектора в осуществлении языковой политики. Координирующим органом в государствах Европы, ратифицировавших Хартию по защите региональных языков или языков меньшинств является, помимо соответствующей комиссии Совета Европы, Европейское Бюро по проблемам менее распространенных языков (EBLUL), имеющее свои национальные комитеты, в состав которых входят лингвисты и представители языковых сообществ и НПО, играющие активную роль в таких направлениях деятельности как трансграничные контакты с носителями языка в родственном государстве (например, НПО венгров румынской Трансильвании с Венгрией), независимом мониторинге языковых ситуаций и оценке эффективности конкретных направлений языковой политики. Примерами такой деятельности являются организация летних языковых лагерей, групп с родным языком в детских садах, поддержка туризма или обмена визитами детских групп, сотрудничество в области образования и культуры, правозащитная деятельность в сфере языковых прав.

3. Языковые ситуации и актуальные проблемы языкового планирования

Роль исследовательских институтов РАН, научных центров и университетской науки в развитии социолингвистических исследований

Сложность административно-территориального деления страны и неполнота информации относительно потребностей носителей языков в дошкольном и школьном образовании усложняет исследовательскую и мониторинговую стороны реализации языковой политики.

Для сопоставления правовых режимов, в которых существуют различные языки, используемые населением страны¹, необходимы детальные социолингвистические и правовые исследования, а также система мониторинга по соблюдению языковых прав. Даже инвентаризация правовых норм, действующих в сферах языка и образования на уровне субъектов федерации, становится самостоятельной и требующей значительных усилий задачей, поскольку речь идет о тысячах законодательных актов и регламентов. Без информации на уровне муниципальных образований о численности носителей конкретного языка, возрастной структуре этой группы населения, уровнях владения языком и выработки адекватных моделей защиты каждого из языков представляется невозможным планирование образования и определение потребностей в обучении языку или на языке. Перечень бытующих на территориях субъектов федерации языков должен быть снабжен перечислением конкретных административных районов их распространения (на уровне районов и отдельных поселений), а сами модели защиты языков и реализации языковых прав адаптированы к особенностям расселения и потребностям в сфере образования.

---

¹ Следует учитывать, что русский язык, языки титульных народов, языки коренных народов и языки меньшинств, не имеющих федеральной и республиканской поддержки, имеют разные степени обеспеченности защиты языковых прав их носителей.

Значительную аналитическую работу предстоит проделать и в отношении используемого в федеральной Конституции понятия «родной язык» (ст. 26.2). Сегодня в России на уровне определений преобладают узкие трактовки этого понятия, фокусирующиеся на языке детства, или первом освоенном языке, и в то же время фактически этот термин широко используется для понятия «этнический язык», которым человек может вообще фактически не владеть. Между тем, в современном языковом праве разрабатывается и получает распространение и поддержку значительно более широкая синтетическая версия в трактовке содержания этого понятия, сочетающая различные дефиниции. Этот подход сочетает признаки происхождения (материнский язык, первый выученный язык), внутренней и внешней идентификации (язык с которым идентифицирует себя индивид, или язык, носителем которого считают её/его другие), компетенции (язык, который знают лучше всего) и функциональности (наиболее используемый язык) (*Skuttnabb-Kangas, Bucak 1995: 36-361*). Принятие такой широкой трактовки понятия «родной язык» предполагает, что один человек может иметь несколько родных языков (и разные родные языки, в зависимости от используемой дефиниции) и что родной язык может меняться в течение жизни человека и даже не один раз относительно всех перечисленных критериев. Необходим как учёт изменения наиболее функционального языка в течение жизни человека, так и разграничение понятий «родной язык» и «этнический язык».

Языковая депривация (угроза утраты родного языка через стадию этнического языка) находится в прямой зависимости от официального отношения к языкам меньшинств и языковой политики. Существует полезная таксономия режимов языковой политики, предоставляющая основу для квалифицированной оценки таких режимов:

- 1) попытки языковой ассимиляции и уничтожения языка;
- 2) политика невмешательства, позволяющая исчезнуть угрожаемым языкам;
- 3) сосуществование языков без поддержки государственной политики;

- 4) частичная поддержка определенных функциональных сфер употребления языка;
- 5) принятие языка меньшинства в качестве одного из официальных (Cobarrubias 1983: 71).

При этом минимальное обеспечение стандарта языковых прав меньшинств, по мнению экспертов, соответствует IV фазе этой таксономии – «частичной поддержке некоторых функциональных сфер». Существует также т.н. шкала Фишмана, включающая восемь уровней относительной силы регионального или миноритарного языка по сравнению с доминирующим языком (Fishman 1991).

Диверсификация защитных норм в области языковых прав позволяет определить в качестве приоритетных областей развития регулирование языковых прав в электронных средствах массовой информации. Было бы целесообразно в целях создания благоприятных условий для защиты языковых прав меньшинств и поддержки угрожаемых языков привести эти нормы в соответствие с принципами и нормами международного права. Сравнительный анализ норм международного и внутреннего права показывает, что процессуальные механизмы, регулирующие обеспечение прав меньшинств в сферах общественно-политической и социально-экономической деятельности, нуждаются в совершенствовании и дополнительных исследованиях, ориентированных на практическое применение их результатов. Исследовательские центры профильных академических институтов РАН и университетов в сотрудничестве с региональными департаментами Министерства образования, отделениями Росстата и неправительственными организациями, действующими в сфере поддержки языков и защиты языковых прав, могут обеспечить мониторинг состояния и развития языков народов РФ. Координирующие функции в этой работе могло бы взять на себя Федеральное агентство по национальной политике, уже внедряющее систему мониторинга межэтнических отношений.

Принципы языковой политики и языкового планирования

Государства, принявшие в соответствии с международным правом обязательства поддерживать языки меньшинств, обычно руководствуются принципом пропорциональности, согласно которому при решении о поддержке конкретного языка учитывается ряд обстоятельств практического характера, включая численность и концентрацию говорящих на этом языке, уровень потребностей в его использовании или преподавании, наличие традиции преподавания на данном языке и степень обеспеченности соответствующими ресурсами (словарями, грамматиками, учебными курсами, преподавателями с соответствующей подготовкой и проч.).

Экономические аспекты языковой политики и классификация языков с позиций необходимых уровней поддержки

Статус отдельного языка в многоязычных сообществах зависит от множества факторов, которые обычно разделяют на политические, экономические, исторические и собственно языковые. Важнейшим, однако, оказывается разделение всех языков в отношении их актуального положения или статуса на инфраструктурно сильные и инфраструктурно слабые. Инфраструктурно сильные языки обычно являются государственными (официальными, национальными) на территории всей страны или одного из ее регионов, имеющего статус автономии или аналогичный. Государственные языки обладают исторически сложившейся развитой инфраструктурой языкового развития, и их существованию, строго говоря, ничто не угрожает. В то же время количество исчезающих языков, число носителей которых, по оценкам лингвистов, уже сегодня составляет менее 1000 чел., продолжает расти.

В отличие от тех языков, которые являются официальными (государственными), хотя бы в одном из существующих государств, для языков с малым числом носителей не так просто подготовить учебники и словари, пригласить

экспертов для переподготовки учителей; во многих случаях у таких языков нет письменности и, стало быть, кодифицированной нормы и литературной традиции, а тем более – развитой научной или профессиональной терминологии, за исключением терминологии, обслуживающей сферу традиционных занятий. Уровень затрат для поддержки таких языков оказывается заведомо более высоким, нежели для официальных старописьменных языков, не говоря уже о языках, которые используются в качестве государственных или официальных в республиках или соседних странах. Таким образом, при расчете стоимости программ языковой поддержки уместно дифференцировать программы и уровни расходов в отношении инфраструктурно сильных и инфраструктурно слабых языков.

Общая методика для расчёта стоимости обучения на языках меньшинств была предложена швейцарским лингвистом Франсуа Грэном (*Grin 2003*). В соответствии с ней оценки затрат на введение в школьную программу языков меньшинств рассчитываются по следующим формулам. Например, ежегодные затраты на организацию преподавания определяются как:

$$TCA_1 = \left\{ [35 \times H \times E \times R] \times \left[W + S + \frac{T}{35 \times L} \right] \right\} + M, \quad (1)$$

где TCA_1 – общая стоимость программы A_1 обучения языку; 35 – продолжительность учебного года в неделях²; H – среднее число часов преподавания в неделю за девять лет обучения; E – численность учеников в классе; R – среднее число учеников, приходящееся на одного учителя (выраженное дробью вида $1/x$, где x — число учеников); W – почасовая заработная плата преподавателя; S – средняя доля инфраструктурных и управленческих расходов образовательной системы в расчете на один час преподавания; T – средняя стоимость подготовки преподавателя; L – средняя нагрузка на преподавателя (в часах в неделю); M – средняя стоимость разработки и издания учебных материалов (*Grin 2003: 179–180*). В основе расчета (1) лежит

---

² Указана в соответствии с российскими реалиями (у Грина использована продолжительность в 40 недель).

предположение, что язык меньшинства прежде не преподавался, поэтому в первый год осуществления мер поддержки его изучают только первоклассники, во второй год — учащиеся вторых и первых классов и т. д. по девятый класс включительно³. Таким образом, каждый год стоимость преподавания миноритарного языка возрастает на такую же величину (TCA_1) и на девятом году составит ($9 \times TCA_1$). С десятого года, когда система будет функционировать в полном объеме второй год подряд, при условии, что учебные материалы обновляются каждые десять лет, совокупные затраты на поддержание ее работы в долгосрочной перспективе составят:

$$TCA_{LR} = 9 \times \left\{ [35 \times H \times E \times R] \times \left[W + S + \frac{T}{35 \times L \times D} \right] \right\} + 9 \times \frac{M}{10}, \quad (2)$$

где D – средняя продолжительность работы преподавателя, в годах (*Grin* 2003: 179). В этот период системе уже не требуются новые учителя, за исключением замены увольняющихся и пенсионеров, и затраты на их подготовку сокращаются. Средние ежегодные затраты в этом случае Ф. Грэн (*Ibid.*: 180—181) оценивает как:

$$\overline{TCA_{LR}} = \frac{1}{9} \times TCA_{LR} \quad (3)$$

В случае пере... необходимо учитывать дополнительные расходы на (пере-)подготовку преподавателей других предметов с тем, чтобы они могли преподавать их на языке меньшинства, и на подготовку и издание учебных материалов на данном языке по этим предметам. Для оценки средних ежегодных затрат на поддержание функционирования двуязычной системы в долгосрочной перспективе Ф. Грэн предлагает формулу (*Ibid.*: 185):

$$\overline{TCB_{LR}} = 9 \times \left\{ \frac{E \times R \times (H \times T + Q \times V)}{k \times L} + \frac{M + s \times Z}{n} \right\} + P, \quad (4)$$

где Q – общее число часов в неделю, отводимое на предметы, преподающиеся на селькупском языке; V – стоимость (пере-)подготовки преподавателя-предметника для преподавания на

³ Девять лет – срок обязательного среднего образования, как в большинстве европейских стран, так и в России.

селькупском; s – число предметов помимо языка, преподающихся на селькупском (в общей сложности Q часов); Z – среднегодовая стоимость разработки и издания учебных материалов по другим предметам на селькупском; $1/k$ – ежегодная потребность в новых подготовленных учителях (доля от всех учителей); n – срок до полного обновления учебных материалов; P – дополнительные ежегодные организационные затраты, связанные с функционированием двуязычной образовательной системы (*Ibid.*: 183–184).

Потребность в преподавателях Ф. Грэн предлагает оценивать как функцию от числа обучающихся по формуле (*Ibid.*: 184)

$$f = 9 \times \frac{H \times E \times R}{L} \quad (5)$$

Для оценки потребности в преподавателях-предметниках (*Ibid.*):

$$g = 9 \times \frac{Q \times E \times R}{L} \quad (6)$$

Грэн неоднократно подчеркивает, что полученные по его методике оценки затрат не следует рассматривать в контексте всей системы образования, так как затронутые нововведением учащиеся в любом случае получали бы образование, и образовательная система несла бы затраты на их обучение. Иными словами, часы, отводимые на изучение миноритарного языка, все равно использовались бы для преподавания других предметов из регионального компонента или компонента образовательного учреждения. Однако Ф. Грэн в приводимых выше формулах не учитывает стоимости использования дополнительных помещений для параллельного обучения учеников, одна группа которых занимается в это же время, например, углубленным изучением официального языка, а другая – языка меньшинства. В ситуациях, когда языков меньшинств несколько (как, например, в некоторых поселениях Дагестана), расходы на организацию обучения кратно возрастают (ср.: *Grin, Sokolovskiy* 2012). В его расчетах не учитываются также реалии малокомплектных школ и стоимость жилья для новых учителей, привлекаемых для внедрения языка в

систему образования. Помимо этого, успешное внедрение программы языковой поддержки языка меньшинства обычно предполагает обширные научные исследования и оценку ситуации, подготовку и публикацию словарей и грамматик, развитие книгопечатания на данном языке, создание радио- и телепрограмм на этих языках, поддержку сайтов и дистанционных программ обучения, разработку аудиокурсов и проч. Дополнительными и весьма существенными расходами является внедрение двуязычных дорожных знаков, наименований населенных пунктов, записей в документах. Все эти элементы программ языковой поддержки в данной методике не рассматриваются.

Пилотное применение методики Грэна к случаю селькупского языка (*Шаховцов* 2018, в печати) также показало, что она значительно занижает реальную стоимость поддержки. Следует также упомянуть, что существует и иная методика оценки введения миноритарного языка в систему образования – методика Всемирного Банка, примененная, например, в Гватемале в период введения в ее систему образования языка майя в дополнение к испанскому языку.

Поскольку в функциональном отношении положение различных языков в России варьирует в широком диапазоне (от языка с международным статусом до языка, используемого лишь в семейном общении или и вовсе этнического языка, фактически уже почти не используемого), очевидно, что при относительно едином уровне законодательного регулирования потребуются дополнительные законодательные и правоприменительные меры для защиты прав индивидов и групп, оказавшихся в наиболее уязвимом положении (коренные народы, живущих за пределами своих округов; носителя языков т.н. титульных народов, проживающих за пределами одноименных республик; представители меньшинств, чьи языки не относятся к государственным на федеральном и республиканском уровнях и др.).

4. Правовые статусы языков и уровни обеспеченности языковыми правами членов языковых сообществ

Языки коренных народов Российской Федерации

Языками коренных малочисленных народов в России официально считаются языки этносов, насчитывающих менее 50000 человек. Практически все эти языки сегодня в большей или меньшей степени находятся под угрозой исчезновения. Можно выделить два региона, в которых сконцентрированы эти языки: 1) Сибирь и Дальний Восток, к которым примыкает Север Европейской территории России, и 2) Кавказ.

Список коренных малочисленных народов России был составлен в Институте этнологии и антропологии им. Миклухо-Маклая РАН в начале 1990-х годов в качестве приложения к проекту закона о гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации, принятого в 1999 г. и трижды затем редактировавшегося (в 2004, 2007 и 2008 гг.). Ко времени принятия закона первоначальный список был расширен, а в 2000 г. официально утвержден. Спустя год из списка были изъяты малочисленные народы Дагестана с тем, чтобы республика сама разработала и представила список своих коренных малочисленных народов, однако, насколько нам известно, этого сделано не было. Новая редакция списка, содержащая только один малочисленный народ Кавказа – абазин, – была официально утверждена в 2001 г. С тех пор в список вошло еще несколько сибирских народов, но Кавказ в нём по-прежнему представлен только абазинами.

Языковая ситуация у коренных малочисленных народов России на конец 1990 – начало 2000-х годов детально отражена во 2-й книге социолингвистической энциклопедии «Письменные языки мира. Языки Российской Федерации» (2003). Кроме того, она подробно описана в публикациях (Кзакевич, Кибрик 2005; Kazakevich, Kibrik 2007). История развития языковой политики в СССР и на постсоветском пространстве, в том числе и в

отношении языков коренных малочисленных народов, представлена в монографии В.М. Алпатова (1997; 2000), а коренным малочисленным народам Севера и их языкам посвящена монография Н.Б. Вахтина (2001). Таким образом, мы располагаем описанием языковой политики, проводившейся в отношении малых народов России на протяжении XX века, и характеристикой языковой ситуации у этих народов на конец XX века. Исходной временной точкой нашего описания, является 1989 г., время последней всесоюзной переписи населения. Ниже мы представим данные о том, как развивалась языковая ситуация у малых народов России в последние 28 лет, как модифицировалась языковая политика в отношении языков этих народов и каково было влияние языковой политики на развитие языковой ситуации в этот период.

Языковая ситуация у коренных малочисленных народов по данным переписи населения

Опубликованные данные переписи 2010 г. о численности коренных малочисленных народов России и владении своими этническими языком⁴ весьма неоднородны. В отношении языков малочисленных народов Дагестана данные скудны, фрагментарны, а потому малоинформативны. Очевидно, что при подготовке и проведении переписи, а также при обработке ее результатов учитывалась редуцированная версия списка малых народов 2001 г.: в специальных таблицах переписи, посвященных коренным малочисленным народам и их языкам, как и в списке 2001 г. из народов Кавказа представлены только абазины. В общих таблицах малочисленные народы Дагестана указаны как подгруппы более крупных народов (аварцев или даргинцев). Отнесение к аварцам не всегда определяется близким родством языков: так, в качестве одной из подгрупп аварцев учтены арчинцы, чей язык относится не к аваро-цезской, а к лезгинской подгруппе северокавказских языков. Качество проведенной в 2010

---

⁴ См. Таблицу 1. Приводимые в ней цифры взяты с официального сайта Госкомстата: <http://www.gks.ru/>

г. переписи трудно признать высоким. Так, арчинцам (да и не только им) с переписью не повезло. Судя по опубликованным данным, в России в 2010 г. проживало всего 12 арчинцев. При этом владели арчинским языком 970 человек. По свидетельству исследователей арчинского языка, работавших в Арчибе за год до переписи⁵, цифра, отражающая количество владеющих арчинским языком, примерно соответствует общему количеству жителей Арчиба, высокогорного аула, в котором арчинцы составляют подавляющее большинство населения. В ходе переписи основная масса арчинцев была отнесена к аварцам. Аналогично, перепись показывает наличие в России всего пяти багвалинцев, при этом багвалинским языком владеют 1447 человек, 24 чамалинца при 500 носителях чамалинского языка. О владении языками 635 тиндинцев, 120 кубачинцев и 7 кайтагцев в таблицах переписи сведений и вовсе нет. Очевидно, что для описания языковой ситуации у большинства малочисленных народов Кавказа (а они сосредоточены в основном на территории Дагестана) опубликованные данные переписи оказываются бесполезными.

Публикуемые данные по коренным малочисленным народам Европейского Севера, Сибири и Дальнего Востока (а также по абазинам) и их языкам гораздо информативнее, хотя и в них имеется немало странностей. Поскольку данные переписи 2010 г. содержат сведения о количестве признавших тот или иной язык родным, их можно сопоставить с данными переписи 1989 г. и более ранних переписей. При этом данные 2010 г. содержат отсутствовавшую в переписи 1989 г. (и более ранних послевоенных переписях) информацию о владении языками, что делает возможным оценить, каким образом признание того или иного языка родным соотносится с владением соответствующим языком.

Признание языка родным и владение им

Наряду с численностью представителей народов, признавших тот или иной язык родным, перепись 2010 г. дает

---

⁵ См., например (Добрушина 2016).

количество заявивших о владении этими языками в каждой этнической группе и в целом по стране (см. табл. 3). Легко видеть, что зачастую эти цифры не совпадают. Иногда расхождение бывает весьма существенным. Например, среди 7885 долган долганский язык признали родным 4803 человека (60,9 %), а о своем владении долганским сообщили только 930 человек (11,8 %). Значит, 3873 (49,1 %) долган считают долганский язык родным, не владея им⁶. Иными словами, для них родной язык – это не язык, усвоенный с детства, который они используют в повседневной жизни в качестве средства коммуникации, а скорее символ их этнической принадлежности⁷. Точно также из 44 640 ненцев родным языком ненецкий признали 32 640 человек (73,1 %), а владение языком (ненецким тундровым или ненецким лесным) отметили только 19 567 человека (43,8%); из 12 269 манси мансийский язык считают родным 1773 человек (14,5 %), а о владении этим языком говорят только 834 человека (6,8 %). При этом надо еще учитывать, что среди указавших на свое владение языком могут быть не только владеющие языком как первым, основным, но и те, для кого это второй, а может быть, и третий язык. Превышение численности признавших этнический язык родным над количеством сообщивших о владении этим языком характерно для большинства коренных малочисленных народов России.

Однако в данных переписи мы встречаемся и с расхождением противоположного свойства, когда количество владеющих языком внутри этнической группы превышает число тех, кто признает этот язык родным. Так, из 5936 вепсов вепсский язык назвали родным 1638 человек (27,6 %), а о своем владении вепским заявили 2362 человек (39,9 %); это, по-видимому, можно объяснить тем, что не менее чем для 724 человек (12,2 %)

---

⁶ Можно было бы предположить, что в случае с долганским языком низкий показатель владения мог возникнуть вследствие того, что часть долган, особенно живущих на территории Якутии, определила язык, на котором они говорят, как якутский. Однако, по данным переписи, на 1800 долган, сообщивших о владении якутским языком, имеется 1801 долган, признавший этот язык родным, так что если и есть среди долган, признавших долганский родным, те, что назвали свой долганский язык при ответе на вопрос о владении якутским, то их, по-видимому, совсем не много.

⁷ Многие исследователи отмечали неоднозначность термина *родной язык* (см., например, Аппатов 1997; 2000; Беликов, Крысин 2000; Вахтин, Головкин 2004).

вепский является вторым языком. Такого рода превышение отмечается еще для тофаларского, саамского, ижорского, водского, алеутского и ороцкого языков (в трех последних случаях речь идет о мизерных цифрах).

Владение языком внутри этнической группы и за её пределами

Интересные расхождения обнаруживаются при сравнении количества владеющих языком внутри соответствующей этнической группы с количеством владеющих этим языком безотносительно к этнической группе. Так, среди води (64 человека) заявили о своем владении водским языком 14 человек, а всего по России, по данным переписи, владеющих водским набралось 68 человек. Если допустить, что цифра достоверна и здесь нет никакой путаницы, придется предположить, что это в основном специалисты по прибалтийско-финским языкам. Среди четверых зафиксированных переписью кереков владеющих керекским языком не обнаружено. Зато обнаружено 10 носителей керекского языка за пределами этнической группы. И снова возникает предположение, что эти носители – исследователи керекского языка. Практически все языки коренных малочисленных народов России имеют носителей за пределами этнических групп. При этом далеко не всегда это можно объяснить этническими контактами, особенно если речь идет о языках, у которых на момент переписи внутри этнической группы оставались буквально единицы носителей, таких как водский, алеутский, орокский, ороцкий, а также кетский, нганасанский, чулымско-тюркский. Похоже, что исследователи, занимающиеся документацией языков коренных малочисленных народов, одновременно пополняют редяющие ряды носителей этих языков.

Сравнение данных переписи 2010 и 1989 гг.

С 1989 по 2010 прошел 21 год – отрезок времени, вполне достаточный для определения тенденций изменения языковой

ситуации у коренных малочисленных народов России. За этот период численность многих коренных малочисленных народов выросла, причем у некоторых весьма существенно: например, численность ненцев в 1989 г. составляла 34 665 человек, а в 2010 г. увеличилась до 44 640 человек, больше, чем на четверть; на четверть выросла численность эвенков (с 30 163 человек в 1989 г. до 37 843 человек в 2010 г.), больше стало хантов, манси, эвенов, юкагиров, долган. У некоторых народов численность практически не изменилась: так, численность нанайцев в 1989 г. составляла 12 023 человек, а в 2012 г. 12 003, селькупов в 1989 г. было 3612 человек, а в 2010 – 3649, почти не изменилась численность чукчей, нивхов). Однако у некоторых народов численность в сравнении с 1989 г. сократилась: в 1989 г. перепись зафиксировала 12 501 вепсов, а в 2010 г. их число сократилось наполовину – до 5936 человек; численность коряков упала с 9242 до 7953 человек, существенно сократилось количество шорцев, нганасан, ульчей, алеутов, негидальцев, орочей, ижоры, удэгейцев, саамов). Отметим, что рост или падение численности отдельных коренных малочисленных народов связаны не только, а в некоторых случаях и не столько с естественным приростом или убылью населения, но и с возможным изменением его этнической самоидентификации.

Обратимся теперь к этническому языку. Даже беглое сравнение данных переписи 2010 г. с данными 1989 г. в отношении количества признавших этнический язык родным в рамках этнической группы показывает уменьшение и абсолютного числа признавших, и их процента в этнической группе. Это касается и народов, увеличивших свою численность, и народов, чья численность уменьшилась. Единственным исключением являются абазины, только у них процент признающих этнический язык родным не только не уменьшился, но и чуть-чуть вырос (с 94 до 94,8). К сожалению, абазинский язык – единственный среди языков коренных малочисленных народов России, за судьбу которого в обозримом будущем можно не опасаться. У наиболее благополучных в языковом отношении в 1989 г. ненцев процент признавших ненецкий язык родным за 21 год упал с 77,1 до 73,1, у долган – с 81,7 до 60,9, у нганасан – с 83,2 до 65,3. Данные переписи 2010 г. показывают, что признание

языка родным и владение им – это не одно и то же, причем за редким исключением количество признающих язык родным превышает количество тех, кто полагает, что владеет этим языком. Материалы проводившихся в то время социолингвистических обследований отдельных этно-локальных групп коренных малочисленных народов России свидетельствуют, что так было и в конце 1980-х. Поэтому следует признать, что в целом перепись 2010 г. дает все-таки более адекватное представление о языковой ситуации у малочисленных народов, чем перепись 1989 г. И картина, которая складывается на основе ее цифр, вызывает серьезную озабоченность.

Процесс языкового сдвига (в нашем случае – перехода на русский язык), отмечавшийся у коренных малочисленных народов Сибири, Дальнего Востока и Севера Европейской части России в конце 1980-х – начале 1990-х годов (см. Алпатов 1997; 2000; Вахтин 2001; Казакевич, Кибрик 2005; Kazakevich, Kibrik 2007), к 2010 году набрал обороты, для некоторых языков (водского, ороцкого, орокского, алеутского, негидальского, чулымско-тюркского) вошел в завершающую стадию. Судя по данным последней переписи, лучше других ситуация с ненецким языком, затем идут хантыйский, чукотский, эвенский. Остальные языки распределяются между этими двумя полюсами. Но все языки малочисленных народов этого региона находятся под угрозой исчезновения.

Языковая ситуация у коренных малочисленных народов по данным социолингвистических обследований

В 2000–2010-е гг. российские и зарубежные лингвисты вели интенсивную работу по документированию (то есть фиксации языковых материалов) языков коренных малочисленных народов России. Практически все документационные проекты этого периода сопровождались социолингвистическим обследованием этно-локальных групп, в которых велся сбор лингвистических данных. Методами сбора информации о языковой ситуации в этно-локальных группах

использовалось анкетирование и интервьюирование членов этих групп.

Языки коренных малочисленных народов Кавказа

Мы уже отмечали, что абазинскому языку, единственному из малых языков Кавказа сохранившему свой официальный статус языка коренного малочисленного народа, вряд ли что-то сегодня угрожает.

Многие языки коренных малочисленных народов Дагестана распространены на очень ограниченной территории, иные в одном единственном селении (арчинский, тиндинский, годоберинский). Как правило, горные села (аулы) расположены вдали от районных центров, и традиционный образ жизни, который ведут жители этих сел, способствует сохранению языков местного населения, интенсивно используемых в повседневной жизни в семейно-бытовой и производственной сферах (см. Казакевич, Кибрик 2005). По свидетельству исследователей, работавших на Кавказе в последние годы, эти языки сегодня все еще стабильны, но только до того момента, пока их носители остаются в своих селениях. Между тем, начавшаяся еще в 1990-е годы миграция населения в предгорные аулы, в города Кавказа и в другие регионы за последние годы только усиливается, что создает реальную угрозу сохранению этих языков в будущем. Об этом свидетельствует, в частности, социолингвистическое обследование с. Арчиб, места проживания носителей арчинского языка, проведенное Н.Р. Добрушиной.

Агульский, рутульский, цахурский и татский языки имеют в Дагестане статус государственных. Они весьма ограниченно функционируют в таких нетрадиционных сферах как образование, СМИ, книгоиздание. Однако в агульских, рутульских, цахурских и татских семьях, живущих в городах, пресс языкового сдвига очень заметен.

Языки Сибири, Дальнего Востока и Севера Европейской части России

В качестве примера рассмотрим методы и результаты серии социолингвистических обследований, проводившиеся в течение последних 15 лет в рамках проектов по документации говоров трех языков коренных малочисленных народов Сибири – селькупского, кетского и эвенкийского; проекты были реализованы на базе лаборатории автоматизированных лексикографических систем НИВЦ МГУ им. М.В. Ломоносова при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Российского гуманитарного научного фонда. С 2000 г. было проведено 24 лингвистических экспедиции и обследовано 50 населенных пунктов Пуровского и Красноселькупского районов Ямало-Ненецкого АО, Эвенкийского, Таймырского, Туруханского и Енисейского районов Красноярского края, Верхнекетского и Каргасокского районов Томской области, Катангского и Качугского районов Иркутской области, Охинского, Ногликского, Александровск-Сахалинского и Поронайского районов Сахалинской области. Поскольку в ряде поселков проживают группы представителей разных малочисленных народов, число обследованных этно-локальных групп превосходит 65.

На основании проведенного обследования можно описать общие черты языковой ситуации в этно-локальных группах малочисленных народов на рассматриваемой территории. Практически все представители коренных малочисленных народов говорят по-русски, а вот языком своего этноса владеют далеко не все. Русский язык занимает сегодня доминирующее положение не только во всех официальных сферах (в образовании, СМИ, администрации, торговле и т. д.), но и в неформальном общении с друзьями, соседями, родственниками, он становится языком семьи, и многие родители, даже если сами они владеют и своим этническим языком, и русским, предпочитают говорить со своими детьми только по-русски; в результате для их детей русский язык становится родным, а естественная передача этнического языка от родителей к детям прерывается. С увеличением количества таких семей

увеличивается угроза существованию языка. Постепенно старшие поколения уходят, а новых носителей языка не прибавляется. Среди обследованных немало групп, в которых младшим носителям этнического языка за 50, а есть и такие, где за 70.

Использование языков коренных малочисленных народов в нетрадиционных сферах (дошкольное и школьное образование, СМИ (газеты, радио, телевидение), книгоиздание) сегодня носит скорее символический характер, в том числе и из-за малого объема использования, и почти не влияет на развитие языковой ситуации в группах.

Проведенные опросы показали в целом позитивное, однако, зачастую пассивное отношение представителей обследованных групп к своим этническим языкам. Большинство респондентов заявили, что хотели бы, чтобы их дети могли говорить на языке своей этнической группы, однако это пожелание не находит подтверждения в повседневной практике: те же респонденты (молодые и не слишком молодые родители и уже совсем не молодые дедушки и бабушки) в подавляющем большинстве своем сообщили, что говорят со своими детьми и/или внуками исключительно или почти исключительно по-русски.

Как уже отмечалось, подобные обследования проводились в отдельных этно-локальных группах коренных малочисленных народов других регионов (в Хабаровском и Приморском крае, Амурской области, в Алтайском крае, в Якутии, в Ленинградской и Мурманской области). Результаты обследований выявляют разные стадии быстрого развития процесса языкового сдвига.

Однако несмотря на выявляемые общие черты, ситуация практически в каждом населенном пункте имеет свою специфику, и эту специфику необходимо учитывать для оценки сегодняшнего состояния и перспектив дальнейшего существования автохтонных языков на данной территории. Важно отметить, что единицей рассмотрения при описании и типологизации языковых ситуаций у коренных малочисленных народов должна стать отдельная этно-локальная группа, а не вся этническая группа в целом. Ведь в разных этно-локальных группах одного и того же народа ситуация может существенно различаться, а общее рассмотрение уровня

сохранности этнического языка станет сродни показателю средней температуры по больнице.

Языковая политика по сохранению языков малочисленных народов

О необходимости изучать, сохранять и развивать языки коренных малочисленных народов говорят на совещаниях, конференциях и форумах, начиная с конца 1980-х годов. Издаются федеральные и региональные законы и постановления, составляются и финансируются различные программы. В 1999 г. после долгого обсуждения был, наконец, принят Федеральный закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», «Закон о языках народов Российской Федерации», где государство признает равные права всех языков народов Российской Федерации на их сохранение и развитие [Электронный фонд...]. В принятом в 1991 г. «Законе о языках Российской Федерации» говорится, что «все языки народов Российской Федерации пользуются поддержкой государства» и отмечается необходимость сохранения и поддержки всех языков России, в том числе и языков коренных малочисленных народов [Электронный фонд...]. Кроме того, с конца 1990-х годов в ряде субъектов РФ (Республике Саха (Якутия), Ямало-Ненецком, Ханты-Мансийском и Чукотском АО, в республике Бурятия, в Хабаровском крае, Сахалинской области и др.) приняты законы о поддержке коренных малочисленных народов и их языков в сфере образования, СМИ, культуры. Был разработан и реализован ряд региональных программ по изучению, поддержке и развитию языков коренных малочисленных народов. Тем не менее приходится признать, что, к большому сожалению, за последние два с половиной десятилетия ситуация с языками этих народов не только не улучшилась, но существенно ухудшилась за счет естественной убыли населения, владеющего своими этническими языками, при отсутствии пополнения числа владеющих в последующих поколениях. Это означает, что законы, постановления и программы при всех их достоинствах оказываются малоэффективными. То же можно сказать и о результатах преподавания этих языков в школе, создании учебных

материалов, развитии культурных центров. Ниже, в разделе IV будут представлены рекомендации, направленные на исправление сложившегося положения.

Языковые конфликты

Языковыми конфликтами обычно называют разногласия и основанные на них действия, возникающие в связи с конкретными шагами в ходе реализации языковой политики государства, реформ в сферах языка и образования, или требованиями меньшинств, обусловленными переменами в статусе их родных языков, в том числе роли этих языков в сфере образования. Распространенной причиной языковых конфликтов является изменение статуса одного из языков, связанное либо с языковой экспансией (распространением конкретного языка в новые для него сферы коммуникации), либо с утратой традиционных для него сфер использования, происходящей в результате языкового сдвига или языковой ассимиляции. При этом названные перемены одинаково болезненны как в случае доминирующих языков, так и языков меньшинств. Особенно острыми конфликты оказываются в случаях дискриминации по языку, выражающейся, например, в запретах на профессию, или на занятие должности, или в тех случаях, когда языковая идентичность или владение языком становится основой дискриминации в политических процедурах (выборах, референдумах и т.п.).

Профилактика конфликтов в данной области связана с неукоснительным соблюдением принципов добровольности выбора языка и недопустимости языковой дискриминации. Важнейшей ареной практической реализации этих принципов остается школа, в особенности – начальная.

Положение языка и его правовой статус зависит не только от исторической траектории его развития, численности его носителей, демографической структуры языкового сообщества, и не столько от воли законодателей, политиков или реализующих языковую политику управленцев. На положение языка и динамику его изменения влияет множество обстоятельств и факторов, не всегда учитываемых лицами, вовлеченными в реализацию этой политики. Между тем недоучет этих факторов и

обстоятельств имеет чрезвычайно серьезные последствия и нередко чреват развитием языковых и политических конфликтов, спектр которых довольно широк: от локальных конфликтов в сфере школьного образования до языковых войн и сепаратистских движений. Известными примерами таких конфликтов в постсоветских государствах, приведшим к их распаду или затяжному противостоянию являются Грузия и Абхазия, Молдова и Приднестровье, Украина и Донбасс.

Социальные психологи в своих исследованиях неоднократно демонстрировали связь между низкой самооценкой личности и экстремистским поведением. Известно также, что самооценка формируется на уровнях начального (дошкольного и школьного) образования, поскольку именно в этот период ребенок впервые сталкивается с систематической социальной оценкой в виде оценки успеваемости. Реализация права обучения на родном языке именно на этом этапе существенно снижает риск формирования низкой самооценки (иногда под влиянием работ венского психоаналитика Альфреда Адлера именуемой комплексом неполноценности). Мировая практика в этой области обнаруживает разные подходы – от подавления языков меньшинств или самоустранения государства от влияния на программы обучения – до реализации образования на родных языках вплоть до университетского и более высоких уровней. На выбор политики в области образования, языков образования и образовательных стандартов влияют не только особенности государственного устройства и модели образования, но и экономика, в частности, стоимостное измерение программ языковой поддержки в области образования, экономическая целесообразность такой поддержки. Например, в ходе реализации международных обязательств в рамках Европейской Хартии региональных языков или языков меньшинств некоторые из государств-участников столкнулись с проблемой определения пороговой численности учеников, обуславливающей целесообразность организации преподавания на языке меньшинства (в Румынии, например, такой законодательно установленный порог равен 10 ученикам).

5. Выводы и рекомендации

Необходима дальнейшая работа над разграничением компетенций органов управления федерального уровня и уровня субъектов федерации в сфере языковой политики с уточнением сфер и объемов использования общегосударственного языка Российской Федерации, государственных языков субъектов Российской Федерации и языков других народов России и непременно учетом таких сфер использования языков как деятельность государственных органов власти и местного самоуправления, законодательной и судебной властей, сферы обучения и воспитания, в СМИ, а также использования этих языков при подготовке и проведении выборов и референдумов, в делопроизводстве и официальной переписке, нотариальном деле, в различных секторах экономики и сферах занятости населения и т. д.

Наличие двойственной трактовки понятия «государственный язык» (в значении общенационального официального языка и официального языка и языка школьного образования на уровне республик) продолжает порождать практические коллизии и требует дальнейшего уточнения или разведения терминов в правоприменительной практике. Необходима дальнейшая работа над разграничением компетенций органов управления федерального уровня и уровня субъектов Федерации в сферах языковой и образовательной политики на основе соблюдения конституционных норм, регулирующих государственную национальную политику.

Законодателям необходимо четче разграничить статусы официального языка государства и национальных языков титульного населения республик в составе Российской Федерации на уровнях федерального и республиканского законодательств, что позволит разделить полномочия между органами федеральной и региональной власти и разработать новые федеральные образовательные стандарты для «государственных языков» обоих уровней. Кроме того, необходимо четче разграничить понятия «государственный язык» и «родной язык», используемые в ряде республиканских законодательствах и конституционном праве

республик, а также разграничить понятия «родной язык» и «этнический язык», которые в настоящее время не различаются в законодательстве, хотя фактически соответствуют принципиально различным реалиям.

Необходимо также разработать модель мониторинга за соблюдением языковых прав, включающую помимо участия органов государственного надзора (прокуратуры, Рособнадзора), в ней должно быть предусмотрено участие уполномоченных по правам человека и гражданского сектора. Учебные программы должны выбираться на добровольной основе родителями учеников, либо (после 8 класса) самими учениками; запись на обучение для формирования классов должна производиться заблаговременно (возможно, на портале «Госуслуги»); контроль за соблюдением добровольности выбора, основанного на конституционной норме Статьи 26, гарантирующей право свободный выбор языка общения, воспитания, обучения конкретного варианта учебной программы, помимо органов государственного надзора, может осуществляться региональными уполномоченными по правам человека, неправительственными организациями и родительскими комитетами.

В связи с остротой вопроса о свободе выбора языка обучения и/или существующих альтернатив учебного плана, а также объемов преподавания неродного языка (помимо официального языка страны – русского языка) целесообразно разработать новые общефедеральные стандарты обучения родным языкам для начальной и средней школы, а также отдельные стандарты для учащихся, у которых изучаемый язык не является родным (языком семейного общения), поскольку преподавание языка в этом случае должна осуществляться иначе, нежели преподавание родного языка (первого языка, или языка, усвоенного с раннего детства). При этом неродным изучаемый язык может являться как для учащегося, для которого он является этническим языком, так и для учащегося из семьи, в которой пользуются языком, в основном распространенным в другом регионе. Пренебрежение этим принципом ведет к неэффективности преподавания и росту недовольства качеством образования, как со стороны родителей, так и со стороны учеников. Таким образом, разработка рекомендаций по

преподаванию государственных и родных языков, образовательных программ, совершенствование порядка формирования федерального перечня учебников, мониторинг состояния и развития языков народов Российской Федерации и создание онлайн-систем обучения родным языкам и уже не являющимся родными этническим языкам должны стать первоочередными задачами в осуществлении языковой политики в рамках действующей «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года».

Министерству образования и науки необходимо организовать разработку пяти отдельных стандартов учебных программ – 1) для углубленного изучения общегосударственного (русского) языка; 2) для углубленного изучения родного языка; 3) для изучения русского языка как второго (неродного) языка; 4) для изучения государственного языка республиканского уровня в качестве второго (неродного) языка; 5) для изучения в качестве второго языка этнического языка, фактически не являющегося для учащихся родным. Преподавание неродного языка (в том числе этнического языка) на основе методики преподавания родных языков должно рассматриваться как серьезное нарушение стандарта образования, поскольку на практике доказана его неэффективность, приводящая к снижению общего уровня образования. Преподавание неродных языков должно ориентироваться не на формальное освоение грамматики и орфографии языка, а на развитие коммуникативных навыков, позволяющих ученикам успешно общаться с носителями осваиваемого второго языка.

Необходимо создать комиссию по подготовке нового языкового инструментария для Всероссийской переписи населения 2020 г. и предваряющей её микропереписи с обязательным участием ведущих социолингвистов и специалистов по национальной школе. Росстату, при сотрудничестве с социологами, демографами и лингвистами необходимо подготовить выборку из семей с детьми дошкольного возраста в тех регионах России, где доля нерусского населения значительна, включив в микроперепись вопрос о языке, используемом в семье, причем отделив этот вопрос от вопроса об

этническом языке, являющемся языком идентификации, что позволит получить необходимые для планирования начального образования сведения относительно числа учителей для преподавания на родных языках, учебников и пособий для обучения родному языку, преподавания на родном языке или обучения этническому языку как второму.

Поскольку типичными проблемами для языков, имеющих устойчивый тренд сокращения числа их носителей или находящихся под угрозой исчезновения, являются: 1) нехватка учителей, в особенности предметников, способных вести обучения на языках меньшинств; 2) неразработанная терминология для преподавания ряда предметов на родных языках; 3) отсутствие общего письменного стандарта в некоторых языках; 4) отсутствие соответствующих учебных пособий по орфографии, грамматике, стилистике, литературоведению; 5) разрыв между уровнями школьного и университетского языкового образования; 6) преподавание этнических языков как родных, несмотря на то, что учащиеся фактически не владеют ими – необходимо разработать соответствующие программы действий в рамках Стратегии государственной национальной политики для решения этих проблем.

Самым губительным для малых языков предрассудком, доставшимся современному цивилизованному миру как тяжелое наследие недоброго взгляда на малые языки в прошлом, является представление о том, что полностью овладеть языком большинства, открывающим путь к образованию и карьере, можно только отказавшись от своего этнического языка. Этот предрассудок широко распространен в малых этнических группах по всему миру. Россия в этом отношении не является исключением. Краеугольным камнем в поддержке языков коренных малочисленных народов является ликвидация этого предрассудка, причем не только у членов этнических групп, в которых функционируют малые языки, но и у всего общества в целом, включая представителей администрации. Только достаточно интенсивная пропаганда преимуществ владения двумя языками перед владением только одним языком сможет

переломить наличную ситуацию. Этим, в первую очередь должны заниматься местные СМИ.

Среди многих факторов, на протяжении последнего столетия способствовавших возникновению угрозы существованию малых языков, образование было и, к сожалению, до сих пор остается одним из самых существенных. Вначале 1990-х многие полагали, что сам факт преподавания малого языка в школе будет способствовать его сохранению и возрождению. К сожалению, это преподавание в массе своей до сегодняшнего дня оказывается малоэффективным и не дает школьникам реального знания этнического языка, если они не освоили этот язык в семье. Чтобы преподавание языков народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в школе перестало быть профанацией, а районные центры национальных культур превратились в важный фактор не только концертной имитации, но и реального сохранения местной традиционной культуры и распространения знаний об этой культуре среди всего населения регионов, необходимо этот порочный круг разорвать. По-видимому, начать имеет смысл с вузов. Будущим преподавателям во время обучения в вузе необходимо обеспечить получение качественных теоретических знаний и практическое овладение языком, который они будут преподавать. Вот примерный (очевидно неполный) перечень того багажа, с которым должны заканчивать вуз будущие учителя.

1. В принципе четырех лет (ровно столько необходимо для подготовки бакалавра) вполне достаточно, чтобы практически освоить любой язык, начав с нуля. Обучение иностранным языкам в языковых вузах дает этому массу примеров. Именно методика преподавания иностранных языков должна использоваться при обучении студентов их этническому языку. Сама эта методика должна стать также предметом изучения, чтобы будущие учителя могли использовать ее в процессе преподавания языка школьникам.

2. Изучение языка должно непременно дополняться изучением культуры и истории народа, говорящего на этом языке. Интерес к собственной истории и культуре будет подогрывать у студента интерес к практическому освоению языка.

3. Говоря о вузовских учебниках для преподавания исчезающих языков, следует иметь в виду, что от качества этих

учебников и от уровня вузовской подготовки преподавателей напрямую зависит качество школьных учебников, поскольку авторами школьных языковых учебников зачастую являются окончившие вуз школьные учителя. Развитие новых технологий позволяет сегодня дополнить классический учебник с графической подачей материала аудио- и видеорядом, и эти дополнения хорошо зарекомендовали себя в процессе преподавания иностранных языков. Представляется, что использование новых технологий может сыграть существенную роль и в повышении эффективности преподавания исчезающих языков.

4. Одним из важнейших условий эффективности преподавания языка, находящегося под угрозой исчезновения, является создание и поддержание у школьников и студентов внутренней мотивации для изучения языка и для дальнейшей работы по сохранению этого языка. Связь исчезающего языка с новыми технологиями повышает мотивацию школьников и студентов к его изучению и объективно работает на сохранение языка.

Чрезвычайно важен правильный выбор языкового варианта, который будет преподаваться в школе. В 1920-1930-е гг. при создании новых систем письма исходили из предположения (как оказалось впоследствии, весьма спорного), что если какой-то локальный вариант языка выбирается в качестве базового и провозглашается общим стандартом, если на этом диалекте издаются учебники и он начинает преподаваться в школе, то новый стандарт и созданные на его базе учебники должны быть с энтузиазмом немедленно приняты носителями других диалектов того же языка. Больше того, ожидалось, что носители некоторых малых языков смогут обучаться в школе не на их собственном языке, а на каком-нибудь генетически родственном языке, для которого будет создана письменность. В действительности такое предположение не сработало: далеко не все представители коренных малочисленных народов Сибири были довольны тем, что их детей собираются учить на чужом диалекте. Опросы, проводившиеся в последнее десятилетие, показывают, что большинство представителей коренных малочисленных народов в принципе приветствуют преподавание родного языка в школе, но

многие не довольны тем, как это делается. В основном нарекание вызывало несоответствие языка учебников диалектному варианту, на котором говорят в их поселке. Недовольство это тем сильнее, чем прочнее в поселке позиции местного говора. Очевидно, что для обеспечения успешного результатов преподавание языков коренных малочисленных народов Сибири следует ориентироваться на диалектную базу конкретных населенных пунктов, в которых ведется преподавание. В ситуации утраты языка школа должна давать знание того диалекта или говора, который дети еще имеют шанс услышать от своих старших родственников. Тогда знания, получаемые в школе, будут подкрепляться услышанным дома или на улице, а не вступать в противоречие с языковой практикой старшего поколения. Конечно, это требует дополнительных усилий по подготовке учебных пособий, ориентированных на различные территориальные варианты языков, однако это вряд ли можно считать непреодолимым препятствием, поскольку современные технологии существенно облегчают и удешевляют издательский процесс.

Важно использовать позитивный мировой опыт сохранения исчезающих языков. На сегодняшний день самым эффективным средством возрождения исчезающего языка, который перестал передаваться детям внутри семьи, являются «языковые гнезда», детские сады с полным погружением в язык, где весь персонал говорит с детьми и между собой только на малом языке в течение всего дня. Однако нередко опыт используется только номинально. Так, в 2011 г. было объявлено о создании языковых гнезд энецкого, нганасанского и долганского языка на Таймыре, но, к сожалению, оказалось, что на вооружение было взято только название, но не суть метода. Таймырские языковые гнезда, там, где они еще сохраняются, выродились в неэффективные, редкие (один-два раза в неделю) занятия языком.

Ввиду реальной перспективы утраты ряда языков в ближайшее десятилетие, а значительного количества оставшихся – в ближайшие полвека, крайне желательно силами институтов РАН и вузов провести целенаправленное документирование всех имеющихся локальных вариантов языков коренных малочисленных народов Европейского Севера, Сибири и Дальнего Востока. При этом

обязательным побочным продуктом документации могли бы стать учебные материалы на каждом из документируемых диалектов.

Литература

- Аллатов В.М.* 150 языков и политика: 1917–1997 // Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М.: Ин-т востоковедения РАН, 1997. 192 с.; 2-е изд., дополн.: *Он же.* 150 языков и политика: 1917–2000 // Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М.: Крафт+: Ин-т востоковедения РАН, 2000. 224 с.
- Беликов В.И., Крысин Л.П.* Социолингвистика: Учебник для вузов. М.: РГГУ, 2001.
- Вахтин Н.Б.* Языки народов Севера в XX веке. СПб., 2001.
- Вахтин Н.Б., Головкин Е.В.* Социолингвистика и социология языка: Учебное пособие. СПб.: Гуманитарная академия, 2004.
- Дешериев Ю.Д.* Языковая политика // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 616.
- Добрушина Н.Р.* Язык и общество. Энциклопедия / Отв. ред. В.Ю. Михальченко М.: Азбуковник, 2016. С. 72–76.
- Казакевич О.А., Кибрик А.Е.* Малые языки на постсоветском пространстве // Малые языки и традиции: существование на грани. Вып. 1. Лингвистические проблемы сохранения и документации малых языков. Посвящается 75-летию академика Вячеслава Всеволодовича Иванова / Под ред. А.Е. Кибрика. М.: Новое издательство, 2005. С. 13–39.
- Письменные языки мира: Языки Российской Федерации. Социолингвистическая энциклопедия. Книга 1. М.: Академия, 2000. 594 с.
- Письменные языки мира: Языки Российской Федерации. Социолингвистическая энциклопедия. Книга 2. М.: Академия, 2003. 754 с.
- Шаховцов К.Г.* Селькупский язык и Европейская языковая Хартия // Соколовский С.В., Филиппова Е.И. (ред.) Языковая политика: антропологические исследования. М.: ИЭА РАН, 2018 (*в печати*).

Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации <http://docs.cntd.ru/>

Язык и общество: Энциклопедия / Отв. ред. В.Ю. Михальченко. М.: Азбуковник, 2016.

Языки народов России. Красная книга.

Энциклопедический словарь-справочник. М.: Academia, 2002.

Cobarrubias J. Ethical Issues in Status Planning // Cobarrubias J., Fishman J.A. (eds.) Progress in Language Planning: International Perspectives. Berlin: Mouton de Gruyter, 1983.

Fishman J.A. Reversing language shift: Theoretical and empirical foundations of assistance to threatened languages. Clevedon: Multilingual Matters, 1991.

Flensburg recommendations // Grin F., Kuzmany B. Evaluating Policy Measures for Minority Languages in Europe: Towards Effective, Cost-Effective and Democratic Implementation. Flensburg, 2000. P. 36–40 (ECMI Report No. 6).

Grin F. Language Policy Evaluation and the European Charter for Regional or Minority Languages. 2003.

Grin F., Sokolovskiy S. Implementation of the Charter in the Russian Federation: Assessing Financial and Budgetary Implications // European Charter for Regional or Minority languages in the Russian Federation: Европейская Хартия региональных языков или языков меньшинств в Российской Федерации / Отв. ред.: Кожемяков А.С., Соколовский С.В. М., 2012 (доклад на компакт-диске издания. 46 p. 2,0 п.л.).

Kazakevich O., Kibrik A. Language Endagerment in the CIS (Ch. 11) // Language Diversity Endangered / Matthias Brenzinger (ed.) / Trends in Linguistics. Studies and Monographs 181. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2007. P. 233-262.

Tollefson J. Planning Language, Planning Inequality. New York: Longman, 1991.

Приложение

Таблица 1

Сопоставление норм международного и российского права в сфере защиты языковых прав*

1	2	3	4
Норма	№ документа (статьи и §) международного права	№ (и статья) документа внутреннего законодательства	Примечания
Свобода выбора принадлежности к меньшинству	2 (3.1)	1 (26.1); 2 (2.1, 4.3)	Не регламентирована ответственность за нарушение права
Свободное использование своего языка, устно и письменно, в частной жизни и публично	2 (10.1)	1 (2.2-4, 4, 26.2, 58.3); 2; 3; 4; 5	
Официальное пользование ФИО на своем языке	2 (11.1)	3 (16.4)	В законодательно неопределенной формулировке «с учетом национальных традиций именованя»
Право наименования на родном языке своих организаций и предприятий	-	3 (16.2)	Пункт 2 Ословских рекомендаций
Право публичного	2 (11.2)	3 (16.2)	(только на гос. языках республик)

размещения вывесок и объявлений на своем языке			
Право получения топографической информации на своем языке	2 (11.3)	3 (23.2)	
Право использования своего языка в официальной сфере	2 (10.2)	3 (3.4, 11.2, 14.1, 15.2, 15.4, 16.3, 21, 22.1)	
Право использования своего языка в сфере частного предпринимательства	-	3 (22.1-2)	Пункт 12 Ословских рекомендаций
Право распространения, доступа и обмена информацией на своем языке	2 (9.1, 9.3-4)	2 (9.2); 3 (20.1-3)	
Право на использование своего языка во время следствия, в суде и в местах лишения свободы	2 (10.3)	3 (18.3); 7 (10.3); 8 (12.5, 18)	Пункты 17-21 Ословских рекомендаций
Право изучать свой язык и получать образование на родном языке	1 (5.1с); 2 (14.1-2)	1 (26.2, 68.3); 2 (10, 12); 3 (9.2, 9.4-5, 10.1, 10.4); 5 (6);	
Право на распространение знаний о своем языке, культуре и истории	2 (12)	2 (13.7, 15.2-4)	
Право создавать	2 (13);	2 (11, 12.6)	

собственные образовательные учреждения	1 (5.1с);		
Право создавать и поддерживать свои культурные учреждения	-	2 (4, 13.1); 4 (15)	Копенгагенское совещание СБСЕ, пункт 32.2
Право создавать свои ассоциации	2 (7)	1 (30); 2 (1); 4 (16, 21); 6 (3)	Запрещение создания партий на национальной основе – 8 (9.3)
Право участия в деятельности НПО	2 (17.2)	2 (4, 11, 13)	
Право на контакты с членами группы, проживающими в других государствах	2 (17.1)	2 (4, 9)	

* Таблица не содержит ссылок на Европейскую Хартию региональных языков или языков меньшинств, поскольку Хартия фиксирует обязательства государств, а не права человека или групп меньшинств и не ратифицирована Российской Федерацией.

Перечень документов международного права, отраженных в *Таблице 3 (столбец 2)*:

1. Конвенция ЮНЕСКО о борьбе с дискриминацией в области образования (1960);
2. Европейская Рамочная конвенция по защите национальных меньшинств (1995).

Перечень документов внутреннего законодательства, отраженных в *Таблице 3 (столбец 3)*

1. Конституция Российской Федерации (1993).
2. Федеральный закон «О национально-культурной автономии» (1996).
3. Федеральный закон «О языках народов Российской Федерации» (1991).

4. Основы законодательства Российской Федерации о культуре (1992).
5. Федеральный закон «Об образовании» (1992).
6. Федеральный закон «Об общественных объединениях» (1995).
7. Федеральный закон «О судебной системе Российской Федерации» (1996).
8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации.

Таблица 2

Коренные малочисленные народы России: данные Всероссийской переписи населения 2010 г.
в сравнении с данными переписи 1989 г.⁸

Этнос	Величина этнической группы	Язык	Общее кол-во владеющих языком в РФ	Кол-во представителей этноса, признавших этнический язык родным	Кол-во представителей этноса, признавших русский язык родным	Кол-во представителей этноса, признавших другой язык родным, какой язык родным, какой	Кол-во представителей этноса, владеющих этническим языком	Кол-во представителей этноса, владеющих русским языком	Кол-во владеющих другими языками России, какими
абазыны	43341 / 32983	абазинский	37831	41094 / 30989	1677	291 кабардино-черкесский, 64 карачаево-балкарский, 27 абхазский, 21 ногайский, 18 адыгейский, 5 осетинский	34699	41745	7452 кабардино-черкесский, 616 карачаево-балкарский, 148 абхазский, 117 ногайский, 48 адыгейский, 27 осетинский
алеуты	482 / 702	алеутский	45	16 / 187	466		19	482	1 эвенский, 1 якутский
алоторцы	Н.Д. / Н.Д.	алоторский	25	Н.Д. / Н.Д.	Н.Д.	Н.Д.	Н.Д.	Н.Д.	Н.Д.
вепсы	5936/	вепсский	3613	1638 / 6355	4274		2362	5920	Н.Д.

⁸Данные переписи 1989 г. приводятся после косой черты.

	12501																		
воль	64 / Н.Д.	водский	68	8 / Н.Д.	54						14	64							2 ижорский
долганы	7885 / 6945	долганский	1054	4803 / 5676	1256						930	7463							1800 якутский
ижора	266 / 820 (449)	ижорский	123	63 / 302	199						68	266							
ительмены	3193 / 2481	ительменский	82	94 / 487	3090						56	3191							2 эвенский, 1 чукотский
кеты	1219 / 1113	кетский	213	231 / 538	974						199	1215							8 селькупский
керекки	4 / Н.Д.	керекский	10	0 / Н.Д.	4						0	4							
коряки	7953 / 9242 (8942)	корякский	1665	2191 / 4685	5684						1460	7938							4 алоторский, 8 якутский, 21 эвенский, 20 чукотский
кумандинцы	2892 / Н.Д.	кумандинский	738	705 / Н.Д.	2136						522	2890							79 алтайский, 3 тубаларский, 3 шорский, 1 якутский
манси	12269 / 8474	мансийский	938	1773 / 3140	10426						834	12251							24 хантыйский, 37 коми-зыр., 4 ненецкий
нанайцы	12003 / 12023	нанайский	1347	2244 / 5298	9706						797	11994							18 китайский
нганасаны	862 / 1278	нганасанский	125	563 / 1063	238						93	851							38 долганский
негидальцы	513 / 622	негидальский	74	88 / 176	422						19	511							2 нанайский
ненцы (тундровые и лесные)	44640 / 34665	ненецкий (тундровый и лесной)	21926	32640 / 26730	10774						19567	40813							803 коми- зырянский, 338 хантыйский, 4 мансийский, 5 селькупский, 4 энецкий, 14 якутский
нивхи	4652 / 4673	нивхский	198	395 / 1089	4232						183	4641							
орочи	596 / 703	орочский	8	2 / 113	579						3	594							

саамы	1771 / 1890	353	296 / 797	1465		299	1769	
селькупы	3649 / 3612	1023	1334 / 1721	2207	89 ненецкий	945	3612	81 ненецкий
телеуты	2643 / Н.Д.	975	1597 / Н.Д.	1027	11 алтайский	938	2637	14 алтайский
тофалары	762 / 722.	93	32 / 309	723		87	761	
тувалары	1965 / Н.Д.	229	428 / Н.Д.	1156	377 алтайский	211	1959	317 алтайский
удэгейцы	1496 / 2011	103	174 / 528	1311	6 нанайский	82	1492	16 китайский, 4 нанайский
уйльта (ороки)	295 / 402	47	16 / 124	273	4 ороцкий (!)	10	294	2 эвенкийский
ульчи	2765 / 3233	154	215 / 995	2533	2 нанайский	142	2762	5 нанайский, 1 китайский
ханты	30943 / 22521	9584	11241 / 13615	19331	101 ненецкий, 9 селькупский	8865	30401	472 ненецкий, 123 коми-зыр., 14 селькупский
челканцы	1181 / Н.Д.	310	645 / Н.Д.	472	62 алтайский	287	1178	200 алтайский, 4 кумандинский
чукчи	15908 / 15184	5095	7473 / 10677	8236	48 корякский, 44 якутский, 8 эвенский, 3 эскимосский, 3 юкагирский	4563	15826	75 корякский, 70 якутский, 57 эвенский, 25 эскимосский, 12 юкагирский, 4 эвенкийский
чулымцы	355 / Н.Д.	44	10 / Н.Д.	343		17	355	
шорцы	12888 / 16652	2839	4456 / 9446	8255	100 хакасский, 6 алтайский	2626	12848	94 хакасский, 13 алтайский
эвенки	37843 / 30163	4802	5688 / 9175	14080	17190 якутский, 544 бурятский, 240 эвенский, 12 селькупский, 10 долганский	4310	35674	17198 якутский, 249 бурятский, 219 эвенский, 24 долганский, 23 негидальский, 15 селькупский, 8 монгольский,

эвены	22383 / 17199	эвенский	5656	5538 / 7543	6742	9875 якутский, 139 эвенкийский, 27 чукотский, 3 юкагирский	4911	20955	4 нанайский, 4 чукотский 11551 якутский, 171 эвенкийский, 100 чукотский, 34 юкагирский
энцы	227 / 209	энецкий	43	102 / 95	111	10 ненецкий	36	219	46 ненецкий, 2 якутский, 1 эвенкийский
эскимосы	1738 / 1719	эскимосский (сибирский юпик + науканский)	508	682 / 887	1039	10 чукотский, 4 якутский	456	1735	67 чукотский, 6 якутский
юкагиры	1603 / 1142	юкагирский	370	350 / 375	821	401 якутский, 13 эвенский, 11 чукотский	311	1559	641 якутский, 73 эвенский, 29 чукотский, 4 эвенкийский

Н.М. Мухарямов
доктор политических наук, профессор
заведующий кафедрой социологии, политологии и права
Казанского государственного энергетического университета

О.Б. Януш
кандидат политических наук, доцент
кафедра социологии, политологии и права Казанского
государственного энергетического университета

Языковая политика в регионах Российской Федерации с тюркскими титульными языками (на примере татарского языка)

1. Коммуникативное пространство татарского языка

По параметрам демографической и коммуникативной мощности татарский язык занимает первое место среди языков народов России кроме русского языка, что также выглядит весьма значимым фактором его престижности. При том, что удельный вес владеющих татарским языком в качестве материнского языка в Российской Федерации сокращается (что вполне объяснимо действием причин урбанизации, глобализации, централизаторскими установками федеральной образовательной политики и проч.), позиции татарского языка в системе российского двуязычия продолжают оставаться весьма впечатляющими. Татарским языком, по данным переписи 2010 года, владеют 369 тыс. башкир, 114 тыс. русских, 41 тыс. чувашей, 31 тыс. марийцев, 20 тыс. удмуртов, 6 тыс. казахов, 3,9 тыс. азербайджанцев, 2,2 тыс. мордвы, 2,8 тыс. украинцев, 1,2 тыс. армян... Социолингвистическое исследование **национально-татарского двуязычия** – в качестве не столько **проблемы**, сколько **ресурса** и дальнейшая популяризация перед массовой аудиторией позитивного жизненного (в том числе –

профессионального) опыта билингвов, несомненно, упрочили бы предпосылки престижности татарского языка.

Учитывая присутствие татарского языка в российском образовательном пространстве, в издательской практике и в СМИ с точки зрения его удельного веса, можно констатировать: на Республику Татарстан, на ее институты языковой политики, на общественность Татарстана и татароязычную общественность в регионах страны (Республика Башкортостан – 1 млн., Марий Эл – 38,3 тыс., Удмуртская Республика – 98,8 тыс., Чувашская Республика – 34,2 тыс., Астраханская область – 60,5 тыс., Волгоградская область – 24,5 тыс., Иркутская область – 22,8 тыс., Кемеровская область – 40,2 тыс., Кировская область – 36,4 тыс., Красноярский край – 34,8 тыс., Москва – 149 тыс., Московская область – 56,2 тыс., Нижегородская область – 44 тыс., Оренбургская область – 151 тыс., Пензенская область – 86,4 тыс., Пермский край – 115 тыс., Самарская область – 126 тыс., Санкт-Петербург – 30,8 тыс., Саратовская область – 52,8 тыс., Свердловская область – 143,8 тыс., Тюменская область – 239,9 тыс., Ульяновская область – 149,8 тыс., Челябинская область – 180,9 тыс., Ханты-Мансийский округ-Югра – 108,8 тыс.) приходится **особая миссия – ответственность** за сохранение культурно-языкового многообразия страны как базового исторического и цивилизационного основания российского социума. Этим также обусловлена престижность татарского языка, положение которого рассматривается как «модельный» ориентир развития языков народов страны.

В середине 1980-х годов только 9 % детей школьного возраста иной – отличной от русской – этнической принадлежности, проживавших на территории Российской Федерации, обучалось в школах с родным языком обучения или с изучением «своих» идиоэтнических языков. Так, в соответствии с таблицей 1.1, в 1984/85 учебном году численность учащихся-татар средних специальных учебных заведений союзных и автономных республик и автономных областей составила 132,2 тыс. человек, что на 18,1 тыс. человек больше, чем на начало 1974/75 учебного года – 114,1 тыс. человек.

Таблица 1.1

Численность учащихся средних специальных учебных заведений по национальностям союзных и автономных республик и автономных областей
(на начало учебного года; тысяч человек)

	1974/75	1984/85
Всего	4477,8	4512,4
в том числе по национальностям:		
Русские	2719,7	2409,6
Украинцы	656,0	702,3
Белорусы	157,0	158,7
Узбеки	106,7	197,2
Казахи	86,0	169,2
Грузины	44,8	52,7
Азербайджанцы	60,6	77,9
Литовцы	59,4	54,9
Молдаване	33,7	44,8
Латыши	20,5	20,3
Киргизы	17,7	36,0
Таджики	20,8	30,6
Армяне	66,9	63,9
Туркмены	16,4	30,4
Эстонцы	15,4	13,8
Абхазы	1,0	1,4
Балкарцы	1,2	1,1
Башкиры	20,1	3,0
Буряты	8,1	9,6
Ингуши	2,4	3,5
Кабардинцы	4,5	6,4
Калмыки	3,6	4,4
Каракалпаки	5,3	10,2
Карелы	2,5	1,6
Коми, коми-пермяки	9,3	7,2
Марийцы	8,0	10,1
Мордва	18,5	18,7

Народности Дагестана	21,8	31,7
Осетины	7,9	9,2
Татары	114,1	132,2
Тувинцы	2,0	4,0
Удмурты	10,1	11,1
Чеченцы	7,5	9,8
Чуваши	24,2	32,0
Якуты	6,1	7,9
Адыгейцы	2,3	2,9
Алтайцы	1,4	1,5
Евреи	35,5	17,9
Карачаевцы	1,5	2,2
Хакасы	1,4	1,3
Черкесы	0,7	1,0

В соответствии с таблицей 1.2 численность студентов-татар высших учебных заведений союзных и автономных областей в 1984/85 учебном году составляла 124,2 тыс. человек по сравнению с 1974/75 учебным годом с численностью 99,8 тыс. человек.

Таблица 1.2

Численность студентов высших учебных заведений по национальностям союзных и автономных республик и автономных областей
(на начало учебного года, *тысяч человек*)

	1974/75	1984/85
Всего	4751,1	5280,0
в том числе по национальностям:		
Русские	2834,8	2949,3
Украинцы	640,0	710,7
Белорусы	141,2	175,9
Узбеки	158,8	216,1
Казахи	114,2	183,0
Грузины	82,7	99,9
Азербайджанцы	86,4	110,5

Литовцы	54,1	62,6
Молдаване	31,6	40,5
Латыши	22,7	25,3
Киргизы	29,2	45,2
Таджики	32,4	45,3
Армяне	79,7	91,2
Туркмены	22,08	36,0
Эстонцы	17,8	19,6
Абхазы	1,8	2,8
Балкарцы	1,8	2,2
Башкиры	17,2	24,8
Буряты	13,2	17,0
Ингуши	2,1	4,3
Кабардинцы	5,8	7,1
Калмыки	3,8	5,5
Каракалпаки	4,1	7,1
Карелы	1,9	1,7
Коми, коми-пермяки	6,2	6,8
Марийцы	6,1	8,5
Мордва	12,5	14,8
Народности Дагестана	22,0	33,6
Осетины	13,0	15,5
Татары	99,8	124,2
Тувинцы	1,9	3,6
Удмурты	7,4	10,2
Чеченцы	5,9	12,5
Чуваши	18,9	26,6
Якуты	6,6	11,1
Адыгейцы	2,6	2,9
Алтайцы	1,0	1,5
Евреи	76,2	41,0
Карачаевцы	3,0	3,3
Хакасы	1,2	1,8
Черкесы	1,2	1,2

В общей сложности в России преподавалось 44 родных языка, а в качестве средства обучения использовался 21 язык. Некоторые языки, которые ранее применялись как средство обучения, перешли в разряд учебных предметов. Доминирующим в системе образования стал русский язык на протяжении всего периода получения среднего и высшего образования. Уже в 1993 году число языков обучения увеличилось с 21 до 31, а число языков, изучаемых в качестве предмета, – с 44 до 68. По состоянию на 2005/2006 учебный год в системе общего образования функционировало 80 языков, что представлено в таблице 1.3.

Таблица 1.3

Статистические сведения, характеризующие функционирование родных языков
(кроме русского) в системе общего образования
(по данным на 2005/2006 учебный год)
(по материалам Аналитического вестника Государственной Думы РФ)

№	Наименование языка	Число учреждений по языку обучения (ед.)	Распределение обучающихся по языку обучения (чел.)				Число учреждений, в которых родной (нерусский) язык изучается как предмет (ед.)	Распределение обучающихся, изучающих родной (нерусский) язык как предмет (чел.)			
			1-4 классы	5-9 классы	10-11 (12) классы	Итого		1-4 классы	5-9 классы	10-11 (12) классы	Итого
01	Абазинский	0	0	0	0	0	35	1604	2600	909	5113
02	Аварский	537	29463	0	0	29463	549	16549	56063	13119	85731
03	Адыгейский	20	2192	0	0	2192	129	7500	18503	3378	29381
04	Азербайджанский	6	521	0	0	521	72	6658	9288	2668	18614
05	Алтайский	64	2658	430	89	3177	128	3055	7191	1502	11748
06	Армянский	7	358	725	289	1372	16	1066	1832	511	3409

07	Балкарский	5	225	0	0	0	225	89	4799	6927	2377	14103
08	Башкирский	911	24144	34289	8123	66556	1425	57083	91652	16524	165259	
09	Белорусский	0	0	0	0	0	2	3	22	0	25	
10	Бурятский	140	5339	362	124	5825	344	19528	37676	6023	63227	
11	Вепский	0	0	0	0	0	5	168	174	9	351	
12	Грузинский	1	74	129	35	238	4	285	391	124	800	
13	Даргинский	187	17026	0	0	17026	289	7321	28277	6963	42561	
14	Долганский	0	0	0	0	0	13	386	469	0	855	
15	Еврейский (идиш)	0	0	0	0	0	3	355	458	137	950	
16	Ительменский	0	0	0	0	0	2	33	54	0	87	
17	Ингушский	0	0	0	0	0	111	24419	28415	7659	60493	
18	Казахский	1	18	30	10	58	92	2904	5233	817	8954	
19	Калмыцкий	71	2527	40	0	2567	200	11474	18516	5738	35728	
20	Кабардинский	74	9135	0	0	9135	219	17985	45163	13962	77110	
21	Карачаевский	0	0	0	0	0	111	9435	14597	4497	28529	
22	Карельский	0	0	0	0	0	40	1186	615	32	1833	
23	Кетский	0	0	0	0	0	5	44	8	0	52	
24	Коми	0	0	0	0	0	371	23564	18916	1867	44347	

25	Коми-пермяцкий	0	0	0	0	0	0	0	0	0	67	1879	3128	457	5464
26	Корейский	0	0	0	0	0	0	0	0	0	8	341	1441	539	2321
27	Корякский	0	0	0	0	0	0	0	0	0	15	427	423	12	862
28	Кумыкский	71	11967	0	0	11967	0	0	0	176	9611	28279	7455	45345	
29	Лакский	79	2235	0	0	2235	0	0	0	106	2328	5903	1435	9666	
30	Лезгинский	148	13447	0	0	13447	0	0	0	210	5735	25788	8254	39777	
31	Латышский	0	0	0	0	0	0	0	0	3	21	17	2	40	
32	Литовский	0	0	0	0	0	0	0	0	2	111	120	27	258	
33	Марийский горный	20	1015	0	0	1015	0	0	0	38	992	3287	272	4551	
34	Марийский луговой	258	8027	1720	39	9786	410	12191	35352	960	1352	7448	8663	51459	
35	Мордовский мокша	117	1938	0	0	1938	121	960	5136	1352	7448	8663	51459		
36	Мордовский эрзя	83	1634	90	0	1724	154	1777	5373	1513	8663	51459			
37	Манси	0	0	0	0	0	12	342	432	2	776	8663			
38	Нанайский	0	0	0	0	0	12	395	464	54	913	8663			
39	Ненецкий	0	0	0	0	0	35	2937	2346	33	5316	8663			
40	Ногайский	0	0	0	0	0	65	3514	5204	1289	10007	8663			

41	Немецкий	0	0	0	0	0	0	0	0	0	31	1399	1538	223	3160
42	Новогореский	0	0	0	0	0	0	0	0	0	2	77	199	53	329
43	Нивхский (на двух диалектах)	0	0	0	0	0	0	0	0	0	5	118	82	0	200
44	Осетинский	45	2868	0	0	2868	0	0	0	196	28589	42436	11945	82970	
45	Польский	0	0	0	0	0	0	0	0	3	64	99	34	197	
46	Рутульский	0	0	0	0	0	0	0	0	17	484	0	0	484	
47	Саамский	0	0	0	0	0	0	0	0	1	18	0	0	0	18
48	Селькупский	0	0	0	0	0	0	0	0	5	141	31	0	0	172
49	Табасаранский	71	4205	0	0	4205	0	0	0	125	3320	9385	3004	15709	
50	Татарский	2166	59435	80181	26293	165909	2466	150763	276404	88548	51571	5			
51	Татский	0	0	0	0	0	0	0	0	1	32	67	0	0	99
52	Тофаларский	0	0	0	0	0	0	0	0	3	78	33	0	0	111
53	Тувинский	153	19338	9994	0	29332	147	18211	6874	25162					
54	Турецкий	0	0	0	0	0	0	0	0	3	94	173	93	360	
55	Туркменский	0	0	0	0	0	0	0	0	5	333	266	44	643	
56	Удмуртский	44	856	318	48	1222	452	10378	17444	4121	31943				

57	Украинский	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	134	197	12	343
58	Хакасский	12	341	0	0	341	0	0	0	0	0	2688	4181	1065	7934
59	Хантыйский (на трёх диалектах)	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1468	1162	72	2702
60	Финский	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	2061	4914	1126	8101
61	Чеченский	19	2261	0	0	2261	0	0	0	0	0	89267	99742	18130	20713 9
62	Черкесский	7	434	0	0	434	0	0	0	0	0	2056	4122	1325	7503
63	Чувашский	571	23069	3148	386	26603	451	32233	75795	2642	11067 0	1056	1166	119	2341
64	Чукотский	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1056	1166	119	2341
65	Эвенский	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	711	912	172	1795
66	Эскимосский	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	86	153	36	275
67	Эвенкийский	6	104	163	77	344	52	1217	1512	118	2817	16	14	0	30
68	Эстонский	1	11	11	4	26	1	40	62	19	121	40	62	19	121
69	Юкагирский	2	40	59	19	118	2	6567	8156	1951	16674	307	294	84	685
70	Якутский	443	25916	35635	12177	73728	92	6567	8156	1951	16674	307	294	84	685
71	Китайский	0	0	0	0	0	1	307	294	84	685	307	294	84	685

72	Греческий	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	101	19	120
73	Еврейский (иврит)	0	0	0	0	0	0	0	0	0	5	282	429	141	852
74	Агульский	0	0	0	0	0	0	0	0	0	41	1170	1343	405	2918
75	Шорский	0	0	0	0	0	0	0	0	0	6	125	189	9	323
76	Цахурский	0	0	0	0	0	0	0	0	0	2	59	179	46	284
77	Нганасанский	0	0	0	0	0	0	0	0	0	3	88	70	0	158
78	Нигидальский	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	16	0	0	16
79	Удэгейский	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	9	0	0	9
80	Ульчский	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	15	0	0	15

По состоянию на 2010 год в системе общего образования функционировали 89 родных языков народов России. По разделу гуманитарных дисциплин на ступенях начального общего образования в качестве средства обучения использовалось 39 языков, из них 17 языков – на ступени основного общего образования, 14 – на ступени полного среднего образования). В качестве учебного предмета изучалось еще 50 языков. В среднем в республиках, входящих в состав Российской Федерации, доля общеобразовательных учреждений с родными языками обучения, исключая русский язык, возросла с 13,5 % до 56 % /1/.

В 2015/16 учебном году всего в общеобразовательных учреждениях и школах-интернатах обучались 14 043 396 детей. Число использующих русский как средство обучения – 13 869 175 детей. Число детей, изучающих языки народов России (кроме русского): как средство обучения, составляет 258 453 или 1,8 %, как предмет – 1 547 745 или 11 %. В качестве средства обучения используются следующие 26 языков (в алфавитном порядке): аварский, адыгейский, азербайджанский, алтайский, башкирский, бурятский, даргинский, калмыцкий, крымско-татарский, кумыкский, лакский, лезгинский, марийский луговой, мордовский мокша, мордовский эрзя, осетинский, русский, табасаранский, татарский, тувинский, удмуртский, украинский, хакасский, чеченский, чувашский, якутский /2; С. 20-21/

Кировская область

В соответствии со сведениями за 1993 год, татарский язык использовался в качестве средства обучения использовался в 7 средних школах для 700 учащихся, а в качестве предмета изучения преподавался в 4 средних школах для 250 учащихся. По данным за 1998 год, в области татарский язык использовался в качестве средства обучения в 8 начальных и средних школах с количеством учащихся – 802 (часов в неделю – 4-7). В качестве предмета преподавался в 2 начальных и средних школах с числом учащихся – 201. При этом, по данным переписи 1989 года, общая численность

этнической группы татар в области составляла 45 666 человек, из которых говорящих на татарском языке – 40 985 (в том числе – 5 402 человека определяли себя в качестве татарских монолингвов), а 38 897 этот язык определяли как родной (численность татар, не говорящих на языке своего этноса, составляла 4 681 человек), 2 088 – в качестве второго языка /3; С. 433, 436, 475/.

По данным за 2007/2008 учебный год, в сельской местности области функционировало 5 школ с татарским языком обучения (с 146 учениками 1-4 классов, 268 учениками 5-9 классов, 118 учениками 10-11 классов; в целом – 532). В качестве учебного предмета татарскому языку в 3 школах области обучалось 76 учащихся 1-4 классов, 140 учащихся 5-9 классов, 11 учащихся 10-11 классов (в целом – 227 учащихся) /4; С. 19/.

Согласно сведениям, имеющимся в Министерстве образования и науки Республики Татарстан (при этом, согласно данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в области проживало 36 457 татар, что составляло 2,8% от лиц указавших свою национальность), количественные параметры присутствия татарского языка в системе образования области в 2013–2016 гг. выглядели следующим образом в соответствии с таблицами 1.4 и 1.5.

Таблица 1.4

Количество школ с татарским языком обучения
в Кировской области

На начало 2013/2014 уч. года		На начало 2014/2015 уч. года		На начало 2015/2016 уч. года		На начало 2015/2016 уч. года	
школа	ученики	школа	ученики	школа	ученики	школа	ученики
2	242	1	118	1	117	0	0

Таблица 1.5

Количество школ с этнокультурным (татарским)
компонентом содержания образования

На начало 2013/2014 уч. года		На начало 2014/2015 уч. года		На начало 2015/2016 уч. года		На начало 2015/2016 уч. года	
школа	ученики	школа	ученики	школа	ученики	школа	ученики
5	515	5	486	5	472	6	570

Пермский край

В 1998 году в Пермской области татарский язык использовался в качестве средства обучения в 81 начальной и средней школе для 5 866 учащихся. В качестве предмета изучения татарский язык преподавался в 1998 году в 19 начальных и средних школах области для 1 748 учащихся. Согласно итогам переписи 1989 года, проживало 150 460 татар (из которых 29 286 человек не говорили на языке своего этноса); 121 147 татар фиксировалась в переписи как говорящие на татарском языке (из которых 110 906 человек назвали татарский как родной язык, 10 268 – как второй, а 14 487 человек заявили о своем татарском монолингвизме).

Согласно сведениям, имеющимся в Министерстве образования и науки Республики Татарстан (при том, что, согласно данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в Пермском крае проживало 115 544 татар, что составляло 4,6% от лиц, указавших свою национальность), количественные параметры присутствия татарского языка в системе образования края в 2013–2016 гг. выглядели в соответствии с таблицами 1.6 и 1.7.

Таблица 1.6

Количество школ с татарским языком обучения
в Пермском крае

На начало 2013/2014 уч. года		На начало 2014/2015 уч. года		На начало 2015/2016 уч. года		На начало 2015/2016 уч. года	
школа	ученики	школа	ученики	школа	ученики	школа	ученики
8	439	8	301	4	306	8	466

Таблица 1.7

**Количество школ с этнокультурным (татарским)
компонентом содержания образования
в Пермском крае**

На начало 2013/2014 уч. года		На начало 2014/2015 уч. года		На начало 2015/2016 уч. года		На начало 2015/2016 уч. года	
школа	ученики	школа	ученики	школа	ученики	школа	ученики
31	4231	31	4196	34	41	32	4074

Республика Башкортостан

По данным Всесоюзной переписи населения 1989 года, в Республике Башкортостан проживало 1 120 702 татарина, из них – 1 058 154 человека фиксировались как говорящие на татарском языке. 1 040 680 татар и 178 748 лиц другой национальности назвали татарский язык в качестве родного (62 125 членов этнической группы татар было зафиксировано как не говорящие на языке своего этноса).

Ситуация в школах Республики Башкортостан в 1990-е годы характеризовалась следующими показателями:

- в 1993 году в качестве средства обучения татарский язык использовался в 646 средних школах (для 23 500 обучающихся);

- в 1998 году в качестве средства обучения татарский язык использовался в 624 начальных и средних школах (для 25 639 обучающихся);

- в 1998 году в качестве предмета изучения татарский язык преподавался в 509 государственных средних школах (для 44 400 обучающихся) и в 762 негосударственных начальных и средних школах (для 85 353 обучающихся) /3; С. 460, 462/.

В 2007/2008 учебном году, по оценкам экспертов Института этнологии и антропологии Российской академии наук, татарский язык использовался в Республике Башкортостан в качестве предмета обучения в соответствии с таблицей 1.8.

Таблица 1.8

**Использование татарского языка
в качестве предмета обучения
в Республике Башкортостан**

Регион	Городские поселения				Сельские поселения			
Республика Башкортостан	школ	1-4 кл., учащихся	5-9 кл., учащихся	10-11 кл., учащихся	кол-во школ	1-4 кл., учащихся	5-9 кл., учащихся	10-11 кл., учащихся
	2	171	155	42	510	6177	3306	564

В 2007/2008 учебном году, по оценкам экспертов Института этнологии и антропологии Российской академии наук, татарский язык использовался в Республике Башкортостан в качестве учебного предмета /4; С. 19/ в соответствии с таблицей 1.9.

Таблица 1.9

**Использование татарского языка
в качестве учебного предмета**

Регион	Городские поселения				Сельские поселения			
Республика Башкортостан	Кол-во школ	1-4 кл., учащихся	5-9 кл., учащихся	10-11 кл., учащихся	кол-во школ	1-4 кл., учащихся	5-9 кл., учащихся	10-11 кл., учащихся
	16	9208	15495	3263	243	8847	19864	6616

В 2014/2015 учебном году в городских школах Республики Башкортостан как средство обучения использовались следующие языки: башкирский язык – в 35 школах (9048 обучающихся), русский язык – в 354 школах (239 398 обучающихся), татарский язык – в 3 школах (614 обучающихся).

В 2014/2015 учебном году в сельских школах Республики Башкортостан как средство обучения

использовались следующие языки: башкирский язык – в 502 школах (28 297 обучающихся), русский язык – в 1287 школах (141 491 обучающихся), татарский язык – в 90 школах (3105 обучающихся).

В 2014/2015 учебном году в городских школах Республики Башкортостан как предмет изучения преподавались следующие языки: башкирский язык – в 269 школах (28 897 обучающихся), русский язык – в 354 школах (239 398 обучающихся), татарский язык – в 179 школах (17 591 обучающихся).

В 2014/2015 учебном году в сельских школах Республики Башкортостан как предмет изучения преподавались следующие языки: башкирский язык – в 572 школах (32 373 обучающихся), татарский язык – в 482 школах (27 481 обучающихся) /5; С. 691/ в соответствии с таблицами 1.10 и 1.11.

Таблица 1.10

Количество школ с татарским языком обучения
в Республике Башкортостан

На начало 2013/2014 уч. года		На начало 2014/2015 уч. года		На начало 2015/2016 уч. года		На начало 2015/2016 уч. года	
школа	ученики	школа	ученики	школа	ученики	школа	ученики
130	5712	120	5461	80	4483	80	4463

Таблица 1.11

Количество школ с этнокультурным (татарским)
компонентом содержания образования
в Республике Башкортостан

На начало 2013/2014 уч. года		На начало 2014/2015 уч. года		На начало 2015/2016 уч. года		На начало 2015/2016 уч. года	
школа	ученики	школа	ученики	школа	ученики	школа	ученики
0	0	657	44 911	581	45 033	584	45 033

Республика Марий Эл

По данным Всесоюзной переписи населения 1989 года, в Республике Марий Эл проживало 43 850 татар, из них – 39 905 человека фиксировались как говорящие на татарском языке. 38 802 татар назвали татарский язык в качестве родного: 25 940 – в городской местности и 12 862 – в сельской местности (3945 человек не говорили на языке своего этноса).

В 1993 году татарский язык использовался как средство обучения в 12 средних (государственных) школах Республики Марий Эл, а в качестве предмета изучения преподавался в 11 (негосударственных) школах для 1 810 обучающихся и в 11 (государственных) школах для 700 обучающихся /3/.

В 2007/2008 учебном году, по оценкам экспертов Института этнологии и антропологии Российской академии наук, татарский язык использовался в Республике Марий Эл в качестве предмета обучения в соответствии с таблицей 1.12.

Таблица 1.12

Татарский язык как предмет обучения в Республике Марий Эл

Регион	Городские поселения				Сельские поселения			
	Кол-во школ	1-4 кл., учащихся	5-9 кл., учащихся	10-11 кл., учащихся	кол-во школ	1-4 кл., учащихся	5-9 кл., учащихся	10-11 кл., учащихся
Республика Марий Эл	-	-	-	-	34	310	-	-

В 2007/2008 учебном году, по оценкам экспертов Института этнологии и антропологии Российской академии наук, татарский язык использовался в Республике Марий Эл в качестве учебного предмета /4; С. 19/ в соответствии с таблицей 1.13.

Таблица 1.13

**Татарский язык в качестве учебного предмета
в Республике Марий Эл**

Регион	Городские поселения				Сельские поселения			
Республика Марий Эл	Кол-во школ	1-4 кл., учащихся	5-9 кл., учащихся	10-11 кл., учащихся	кол-во школ	1-4 кл., учащихся	5-9 кл., учащихся	10-11 кл., учащихся
	1	153	367	-	9	45	483	100

Государственные языки Республики Марий Эл – марийский луговой и марийский горный - в 2006/2007 учебном году использовались в качестве средства обучения в следующих объемах: в городах и поселках городского типа марийский луговой – в 1 школе для 32 обучающихся, марийский горный – 0 школ, 0 обучающихся; в сельской местности марийский луговой – в 91 школе для 3 101 обучающихся, марийский горный – в 20 школах для 845 обучающихся /5; С. 748/ в соответствии с таблицами 1.14, 1.15, 1.16.

Таблица 1.14

**Количество школ с татарским языком обучения
в Республике Марий Эл**

Количество школ с татарским языком обучения в Республике Марий Эл							
На начало 2013/2014 уч. года		На начало 2014/2015 уч. года		На начало 2015/2016 уч. года		На начало 2015/2016 уч. года	
школа	ученики	школа	ученики	школа	ученики	школа	ученики
2	21	1	12	0	0	0	0

Таблица 1.15

**Количество школ с этнокультурным (татарским)
компонентом содержания образования в Республике Марий Эл**

Количество школ с этнокультурным (татарским) компонентом содержания образования в Республике Марий Эл							
На начало 2013/2014 уч. года		На начало 2014/2015 уч. года		На начало 2015/2016 уч. года		На начало 2015/2016 уч. года	
школа	ученики	школа	ученики	школа	ученики	школа	ученики
9	1103	9	1072	10	1097	10	942

По данным Всероссийской переписи населения 2010 года, в Республике Марий Эл проживало 38 357 татар, или 5,8% от указавших свою национальность.

Республика Мордовия

По данным Всесоюзной переписи населения 1989 года, в Республике Мордовия проживало 47 328 татар, из которых 45 461 человек говорили на татарском языке, в том числе – 44 283 определяли его в качестве родного языка, а 1178 татар назвали его в качестве второго языка (1867 человек не говорили на языке своего этноса).

В 1993 году в Республике Мордовия татарский язык использовался как средство обучения в 9 (государственных) средних школах для 300 обучающихся, в 1998 году в – 17 начальных школах для 421 обучающегося.

В качестве предмета изучения в 1998 году татарский язык преподавался в 23 (негосударственных) начальных и средних школах для 2009 обучающихся, а также в 22 (государственных) средних школах для 1400 обучающихся /3/.

Согласно итогам Всероссийской переписи 2010 года, в Республике Мордовия проживало 43 392 татарина, или 5,2 % от всех, указавших свою национальную принадлежность.

В настоящее время татарский язык как средство обучения в Республике Мордовия не используется. В городах и поселках городского типа мордовские языки в качестве средства обучения также не использовались, а в сельских населенных пунктах, по сведениям на 2016 год, мордовский мокша в этом качестве использовался в 109 школах (1577 обучающихся), мордовский мокша – в 82 школах (1193 обучающихся) в соответствии с таблицей 1.16.

Таблица 1.16

Количество школ с этнокультурным (татарским) компонентом содержания образования в Республике Мордовия

На начало 2013/2014 уч. года		На начало 2014/2015 уч. года		На начало 2015/2016 уч. года		На начало 2015/2016 уч. года	
школа	ученики	школа	ученики	школа	ученики	школа	ученики
23	1319	21	1284	21	1263	21	1334

Чувашская Республика

Согласно данным Всесоюзной переписи населения 1989 года, в Чувашской Республике проживало 35 686 татар, из которых 32 235 назвали татарский язык как родной, в том числе – 11 022 в городе и 21 213 на селе (2676 татар не говорили на языке своего этноса).

В качестве средства обучения татарский язык в Республике Чувашия в 1993 году использовался в 18 средних (государственных) школах для 1600 обучающихся. В 1998 году – в 20 (негосударственных) начальных и средних школах для 1818 обучающихся.

В 1998 году татарский язык в качестве предмета изучения преподавался 12 (негосударственных) начальных и средних школах для 688 обучающихся и в 4 государственных средних школах для 800 обучающихся в соответствии с таблицами 1.17 и 1.18.

Таблица 1.17

Количество школ с татарским языком обучения
в Чувашской Республике

На начало 2013/2014 уч. года		На начало 2014/2015 уч. года		На начало 2015/2016 уч. года		На начало 2015/2016 уч. года	
школа	ученики	школа	ученики	школа	ученики	школа	ученики
7	844	7	806	7	1073	0	0

Таблица 1.18

Количество школ с этнокультурным (татарским)
компонентом содержания образования
в Чувашской Республике

На начало 2013/2014 уч. года		На начало 2014/2015 уч. года		На начало 2015/2016 уч. года		На начало 2015/2016 уч. года	
школа	ученики	школа	ученики	школа	ученики	школа	ученики
9	1552	9	1476	9	1317	16	2231

По данным Всероссийской переписи населения 2010 года, в Чувашской Республике проживало 34 214 татар, или 2,8% от указавших свою национальность.

Общая статистическая информация о распределении населения многочисленных национальностей по родному языку и уровню образования представлена в таблице 1.19.

Таблица 1.19

Распределение населения многочисленных национальностей по родному языку и уровню образования (по материалам Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 годов и Переписи населения СССР 1989 г.)

	На 1000 человек указали родным				На 1000 имеют уровень образования			
	Язык соответствующей национальности		русский язык		основное общее и высшее образование		высшее, включая послевузовское	
	1989 г.	2010 г.	1989 г.	2010 г.	2002 г.	2010 г.	2002 г.	2010 г.
Русские	1000	999	-	-	916	943	167	243
Татары	856	792	142	205	899	927	127	201
Украинцы	428	242	570	762	915	935	200	258
Башкиры	728	716	101	137	887	920	95	148
Чуваши	775	709	223	290	889	921	100	115
Чеченцы	998	988	11	11	854	905	76	118
Армяне	678	690	318	307	952	951	181	221
Аварцы	977	982	16	13	888	915	106	158
Мордва	690	647	308	352	829	884	92	150
Казахи	872	722	115	273	885	916	73	113
Азербайджанцы	842	836	146	153	952	952	132	159
Даргинцы	979	980	15	16	852	892	96	156
Удмурты	708	622	289	377	877	911	86	132
Марийцы	819	747	178	250	881	922	80	118
Осетины	932	926	64	71	930	951	221	299
Белорусы	362	173	635	825	891	912	186	242
Кабардинцы	976	979	22	20	930	953	154	209
Кумыки	977	981	18	15	919	938	122	190
Якуты	940	933	59	67	926	958	161	245
Лезгины	940	949	45	43	933	952	144	216
Буряты	866	785	133	214	932	956	221	297
Ингуши	982	983	16	15	893	909	121	184

Данные о национально-татарском двуязычии

В **Республике Адыгея**, по данным переписи 2002 г., татарским языком владели 2197 человек (в том числе: 45 адыгейцев, 95 русских, 2050 – лица других национальностей) /5; С. 664/.

В **Республике Башкортостан**, по данным переписи 2002 г., татарским языком владело 449207 башкир, 22345 чувашей, 27 330 марийцев. По данным переписи 2010 г., татарским языком владеют 385 704 человека нетатарской национальности (в том числе: 316 606 башкир, 19 147 русских, 17 663 чувашей, 20 582 марийцев, 852 украинца, 518 мордвин, 963 удмурта). По тем же данным, 11 3262 татарина владеют башкирским языком (14% всего татарского населения) /5; С. 689/.

В **Республике Марий Эл**, по данным переписи 2002 г., татарским языком владели 883 русских, 2997 марийцев, 167 чувашей /5; С. 749/.

В **Республике Татарстан**, по данным переписи 2010 г., татарским языком владеют 369 103 башкира, 114 889 русских, 41 939 чувашей, 31 272 марийцев 20 825 удмуртов, 5922 казахов, 3893 азербайджанцев, 2279 мордвин, 2807 украинцев, 1244 армян, 468 немцев, 286 чеченцев, 198 аварцев, 139 осетин, 115 даргинцев, 95 бурятов, 83 кабардинцев, 69 ингушей, 35 якутов /5; С. 785/.

Печать

Отдельно следует охарактеризовать такой сегмент коммуникационного пространства татарского языка, как печать. В соответствии с таблицей 1.21 выпуск книг и брошюр на татарском языке составил 169 печатных единиц в 1990 г., 210 – в 2000 г., 280 – в 2010 г., 264 – в 2011 г., 278 – в 2012 г., 240 – в 2013 г., 278 – в 2014 г. и 243 печатных единицы в 2015 году тиражом 3 436 тыс. экз. в 1990 г., 3053 – 2000 г., 1776 – 2010 г., 1479,6 – 2011 г., 798,8 – 2012 г., 727,7 – 2013 г., 824,5 – 2014 г. и 595,5 – в 2015 году, что подтверждает тенденцию сокращения коммуникативного пространства татарского языка в области печати.

Таблица 1.20

Выпуск книг и брошюр на отдельных языках народов
России (по материалам Российского статистического
ежегодника за 2016 год) /6; С. 236/

	1990	2000	2010	2011	2012	2013	2014	2015
	Число книг и брошюр, печатных единиц							
Русский	37 740	56 863	118 378	119 892	113 475	117 238	108 513	109 256
Абазинский	8	3	2	4	1	5	1	2
Адыгейский	29	13	1	1	12	5	13	17
Алтайский	18	6	-	6	3	9	5	7
Башкирский	97	90	154	133	3	132	141	128
Бурятский	22	6	23	16	168	53	31	31
Языки народов Дагестана:								
аварский	30	5	21	12	21	9	2	2
даргинский	24	5	12	2	21	7	6	2
кумыкский	29	2	9	1	11	5	4	2
лакский	20	4	8	1	7	4	-	1
лезгинский	30	5	11	5	8	9	4	2
табасаранский	19	1	8	2	15	5	-	1
Ингушский	19	3	4	6	16	13	4	2
Кабардино-черкесский	42	41	25	27	39	44	28	25
Калмыцкий	23	8	3	7	1	21	2	6
Карачаево-балкарский	42	31	19	19	19	28	15	36
Карельский	3	4	1	-	4	9	14	6
Коми	29	24	35	9	40	33	34	6
Коми-пермяцкий	9	-	3	2	4	-	-	-
Марийский (луговой и горный)	72	15	29	25	29	17	18	31
Мордовский (мокша и эрзя)	35	11	30	26	20	25	-	25
Ногайский	17	2	3	9	5	4	1	-
Осетинский	73	27	40	27	24	49	40	24
Языки народов Севера:								
корякский	1	-	1	-	-	1	-	-
мансийский	2	-	-	-	-	-	-	-
нанайский	2	2	1	-	-	-	-	-
ненецкий	5	6	1	1	3	3	-	20
хантыйский	3	1	-	1	1	-	1	-
чукотский	4	2	-	2	-	-	2	2
эвенкийский	-	4	1	1	1	1	5	-
эвенский	6	3	1	-	2	1	4	2
эскимосский	5	-	-	-	-	-	-	-
Татарский	169	210	280	264	278	240	278	243

Тувинский	32	2	14	9	24	12	26	19
Удмуртский	28	9	5	27	28	24	20	22
Хакаский	15	6	13	12	2	9	10	2
Чеченский	31	1	5	22	18	15	25	24
Чувашский	79	40	74	64	80	71	94	84
Якутский	60	31	141	124	205	182	139	178
Тираж, тыс. экз.								
Русский	1 499 772	445 041	641 659	604 213	530882	533 311	476 641	459 423
Абазинский	7	6	0,8	1,5	0,4	3,3	0,3	3,0
Адыгейский	65	46	0,5	0,5	7,4	7,0	12,2	8,4
Алтайский	66	32	-	4,9	1,6	4,0	4,3	6,9
Башкирский	1274	489	813	574,5	777,3	792,9	524,1	459,8
Бурятский	110	5	40	41,2	50,6	53	59,1	39,7
Языки народов Дагестана:								
аварский	183	3	70	46,3	45,1	53,3	6,3	8,5
даргинский	102	3	6	6,4	55,1	21,3	2,2	6,5
кумыкский	97	2	4	0,5	14,5	27	6,5	7,5
лакский	30	2	4	0,5	4,0	14,0	-	2,0
лезгинский	99	3	6	7	9,5	18,3	18,5	10,0
табасаранский	35	1	5	3,5	14,5	19,5	-	3,0
Ингушский	61	38	31	29,2	81,3	37,5	3,2	8,0
Кабардино-черкесский	227	62	73	65	145,3	127,1	78,7	43,5
Калмыцкий	80	21	0,7	9,6	0,3	142,0	-	35,0
Карачаево-балкарский	127	32	33	24,4	23,1	40,0	15,2	40,2
Карельский	11	6	0,3	-	2,6	2,6	5,0	2,9
Коми	106	85	39	9	68,3	37,2	32,7	5,8
Коми-пермяцкий	21	-	1	1,5	4,1	-	-	-
Марийский (луговой и горный)	301	16	33	26,4	28,6	20,5	19,7	26,1
Мордовский (мокша и эрзя)	135	39	14	17	11,8	21,3	-	18,9
Ногайский	28	2	2	4,5	2,4	2,9	0,4	-
Осетинский	217	34	80	16,1	31,0	70,5	39,6	17,3
Языки народов Севера:								
корякский	1	-	0,8	-	-	0,2	-	-
мансийский	1	-	-	-	-	-	-	-
нанайский	51	1	0,5	-	-	-	-	-
ненецкий	13	7	3	0,9	1,9	3,2	-	3,3
хантыйский	4	0,1	-	0,3	0,3	-	0,6	-
чукотский	4	1	-	0,6	-	-	0,2	0,4
эвенкийский	-	10	0,5	0,5	3,0	0,2	1,8	-
эвенский	7	3	0,3	-	2,8	1,4	0,4	1,5
эскимосский	3	-	-	-	-	-	-	-
Татарский	3436	3053	1776	1479,6	798,8	727,7	824,5	595,5
Тувинский	219	12	23	11,7	77,3	28,9	100,4	36,5

Удмуртский	149	7	11	45,4	49,5	34,4	25,7	31,9
Хакасский	83	12	11	5,4	0,3	3,7	6,4	0,2
Чеченский	317	2	13	27,1	64,4	29,1	115,0	47,0
Чувашский	866	296	175	166,8	146,0	167,9	190,3	158,6
Якутский	702	183	400	394,9	375,2	446,0	348,7	454,3

Выпуск журнальных изданий на татарском языке увеличился с 11 изданий в 1990 г. до 19 – в 2000 г. Для сравнения: в том же 2000 году число журнальных изданий на башкирском языке составило 10, на чувашском – 7, на адыгейском – 1 и т.д. Годовой тираж журнальных изданий на татарском языке в 1990 году составил 28 418 тыс. экземпляров, но в 2000 году наблюдается резкое снижение объемов годового тиража до 1624 тыс. экземпляров, в последующие же годы снижение объемов продолжалось: 1037 тыс. экз. в 2010 году, незначительное увеличение в 2011 году до 1159 тыс. экз., снижение в 2012 г. до 902 тыс. экз., снижение до 788 тыс. экз. в 2013 г., рост в 2014 г. до 1054 тыс. экз. и вновь снижение до 994 в 2015 г. в соответствии с таблицей 1.21.

Таблица 1.21

**Выпуск журнальных изданий на отдельных языках
России (по материалам Российского статистического
ежегодника за 2016 год) /6; С. 237/**

	1990	2000	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Число изданий								
Русский	3392	3422	6045	6766	7047	7474	7721	7707
Адыгейский	2	2	-	1	2	3	3	2
Алтайский	1	-	-	-	-	2	2	1
Башкирский	6	10	10	10	10	10	10	9
Бурятский	3	-	3	3	3	2	4	2
Языки народов Дагестана:								
аварский	3	1	3	3	1	3	3	3
даргинский	3	1	3	3	1	3	3	3
кумыкский	3	1	3	3	1	3	3	3
лакский	3	1	3	3	1	3	3	3
лезгинский	3	1	3	3	1	3	3	3
табасаранский	1	1	2	2	1	2	2	2
Ингушский	2	1	1	3	2	3	2	2
Кабардино-черкесский	2	3	3	3	3	3	3	3
Калмыцкий	2	3	2	4	-	2	3	2
Карачаево-балкарский	2	2	5	4	4	4	4	4
Коми	3	-	5	5	5	5	5	5

Марийский (луговой и горный)	4	4	-	1	4	4	4	4
Мордовский (мокша и эрзя)	4	4	5	5	5	4	4	4
Осетинский	2	3	3	4	3	4	6	4
Татарский	11	19	28	23	28	26	24	27
Тувинский	2	3	1	1	3	4	3	2
Удмуртский	4	4	2	3	3	4	4	4
Хакасский	1	-	1	-	-	1	-	-
Чеченский	2	-	5	5	5	5	5	5
Чувашский	6	7	5	5	5	7	6	8
Якутский	4	-	9	10	13	20	18	12
Годовой тираж, тыс. экз.								
Русский	4 915 099	600 770	1 808 662	1 920 056	1 804 538	1 871 084	1 714 482	1 474 437
Адыгейский	30	4	-	19	13	5	13	14
Алтайский	4	-	-	-	-	5	5	5
Башкирский	3883	1242	1118	964	837	693	628	498
Бурятский	36	-	17	12	13	10	20	6
Языки народов Дагестана:								
аварский	212	5	14	26	2	27	21	23
даргинский	127	2	8	9	2	14	11	14
кумыкский	169	3	9	18	1	25	19	21
лакский	61	3	8	10	1	14	11	13
лезгинский	126	1	7	16	1	16	10	13
табасаранский	21	2	4	4	1	6	4	11
Ингушский	50	8	16	24	31	21	19	37
Кабардино-черкесский	145	76	35	40	54	48	49	58
Калмыцкий	111	14	23	19	-	46	15	39
Карачаево-балкарский	45	23	70	32	33	38	34	32
Коми	295	98	44	37	41	42	34	30
Марийский (луговой и горный)	888	64	-	0,1	83	18	23	51
Мордовский (мокша и эрзя)	121	107	53	42	52	43	39	39
Осетинский	160	30	21	13	11	26	74	27
Татарский	28 418	1624	1037	1159	902	788	1054	994
Тувинский	57	30	14	6	41	45	47	18
Удмуртский	294	68	20	33	82	142	49	57
Хакасский	2	-	2	-	-	2	-	-
Чеченский	197	-	108	81	98	112	103	79
Чувашский	2969	100	163	167	150	166	198	186
Якутский	508	-	160	325	422,8	636	304	346

Выпуск газет на татарском языке в 1990 году составил 89 изданий с годовым тиражом 192 233 тыс. экз., но в 2000 году резкое снижение годового тиража 72 изданий до 60 767 тыс. экз. Снижение годового тиража до 51 835 тыс. экз. в 2010 г., рост до 54 629 тыс. экз. в 2011 г., снижение в 2012 г. – 43 888, рост в 2013 г. – до 56 995 тыс. экз. и вновь снижение в 2014 и 2015 года до 52 290 и 39 036 тыс. экз. соответственно в таблице 1.22.

Таблица 1.22

Выпуск газет на отдельных языках народов России
(по материалам Российского статистического
ежегодника за 2016 год) /6; С. 238/

	1990	2000	2010	2011	2012	2013	2014	2015
	Число изданий							
Русский	4488	5508	9166	9650	10162	10551	10503	9952
Абазинский	1	1	1	1	1	1	1	1
Адыгейский	1	2	2	2	2	3	2	2
Алтайский	1	3	4	-	1	3	5	6
Башкирский	23	29	70	69	66	70	69	68
Бурятский	15	7	9	8	8	9	8	7
Языки народов Дагестана:								
аварский	15	9	7	7	7	9	20	21
даргинский	8	4	3	3	3	4	6	6
кумыкский	6	4	2	2	2	4	7	7
лакский	3	2	1	1	1	2	3	3
лезгинский	6	3	3	4	4	7	8	8
табасаранский	2	-	2	3	3	3	4	4
Идиш	1	1	1	1	1	1	1	1
Ингушский	2	-	2	4	3	4	3	3
Кабардино-черкесский	2	2	6	5	5	5	5	5
Калмыцкий	1	1	3	2	2	3	5	4
Карачаево-балкарский	2	3	3	3	2	1	-	-
Карельский	-	3	4	4	3	2	4	1
Коми	4	1	5	5	5	6	5	7
Марийский	16	11	15	15	18	17	17	16
Мордовский (мокша и эрзя)	2	2	4	4	3	6	6	6
Ногайский	2	1	2	2	2	2	2	2
Осетинский	9	3	14	14	14	14	13	15

Языки народов Севера:								
мансийский	1	1	1	1	1	1	1	1
ненецкий	1	1	2	2	2	3	3	3
хантыйский	1	1	2	2	2	2	3	3
чукотский	1	-	2	1	1	1	2	2
Татарский	89	72	172	182	191	196	184	175
Тувинский	6	-	9	8	9	16	13	12
Удмуртский	18	7	10	11	11	11	11	11
Хакасский	1	1	3	3	3	3	3	3
Чеченский	11	-	13	13	17	20	17	18
Чувашский	32	33	40	41	42	39	40	42
Якутский	29	10	35	34	41	43	43	44
Годовой тираж, тыс. экз.								
Русский	3739 1289	6973 018	9391 206	8114 438	922141 8	9391 421	9295 330	7561 453
Абазинский	260	352	280	306	320	271	331	234
Адыгейский	1575	1578	99	972	1152	909	862	846
Алтайский	1675	89	158	-	5	273	741	639
Башкирский	4513 9	3090 4	2135 1	2173 1	11701	1700 7	1113 4	6871
Бурятский	3556	2833	718	695	608	743	613	575
Языки народов Дагестана:								
аварский	1489 3	5045	1269	804	1270	1760	2027	1838
даргинский	5144	661	397	350	206	251	526	413
кумыкский	4178	803	319	302	217	368	449	534
лакский	827	248	42	41	38	152	194	203
лезгинский	5199	718	547	674	494	623	670	574
табасаранский	1264	-	110	240	239	140	579	266
Идиш	3000	610	412	264	78	72	96	84
Ингушский	1810	-	278	379	451	366	369	387
Кабардино-черкесский	5670	2385	2987	3221	2843	2591	2163	1739
Калмыцкий	2375	1381	1201	2582	60	3932	1653	817
Карачаево-балкарский	3987	2057	1221	779	642	3	-	-
Карельский	-	275	54	71	54	64	30	28
Коми	2870	315	1149	989	864	1789	929	687
Марийский	9946	3573	1485	2470	2089	2227	2146	1334
Мордовский (мокша и эрзя)	2106	686	333	375	265	690	521	509
Ногайский	531	229	313	328	230	389	290	215
Осетинский	1414 8	4855	8650	7912	6466	9133	8359	5688
Языки народов Севера:								
мансийский	2	30	30	14	11	35	45	35
ненецкий	19	36	56	54	65	1948	998	792
хантыйский	36	38	87	57	47	104	96	80

чукотский	24	-	44	6	9	10	49	52
Татарский	19 22 33	60767	6183 5	5462 9	43888	5699 5	5229 0	3903 6
Тувинский	14 15 3	-	1609	1687	1294	1802	333	1451
Удмуртский	97 20	3091	1321	1311	1085	1135	1042	802
Хакасский	16 00	603	658	480	375	518	482	373
Чеченский	58 97	-	1534	1565	1774	1890	1998	1734
Чувашский	43 62 0	16204	1028 2	1251 8	8586	1370 3	1121 7	9123
Якутский	32 70 7	1412	7975	8602	7819	1166 3	8247	6677

Проведенный анализ статистических данных за ряд лет показал, что год от года наблюдается сокращение как школ с нерусским языком в качестве средства обучения, так и школ с русским и нерусским языками, используемыми в этой функции. В целом наблюдается общая тенденция сокращения объема функционирования языков, включая татарский язык в коммуникативных сферах образования и печати.

2. Аналитические инструменты определения витальности языка

Смена и смерть языка долгое время были темой дискуссий среди западных социолингвистов, лингвистов, планировщиков языка, педагогов и др. Результатом стал рост литературы о причинах, процессах, симптомах и результатах языковой утраты и смерти.

Джошуа Фишман развивал многие из основных социолингвистических концептов (понятий), которые наполняют наше понимание использования языка в обществе. Его работа «Reversing Language Shift» 1991 года представляет

кульминацию большей части работы и возможно является самой известной для введения Шкалы (GIDS).

Следуя призыву Кросса (1992) и других, появляющиеся усилия по сохранению и ревитализации языка были удвоены, особенно в Северной Америке. Ряд новых подходов, включая развитие языка на основе сообщества и проекты по поддержанию, был осуществлен в попытке оказать сопротивление волне утраты языков. Хотя некоторые отрицают предсказание Кросса о массовой утрате языков к концу нынешнего столетия, никаких разумных аргументов против не последовало, и путь смены и смерти языка продолжает развиваться.

Издание ETHNOLOGUE 2009 года – первое за более чем пятьдесят лет в истории таких изданий (публикаций), в котором уменьшился ряд установленных живых языков. В то время как многие языки были недавно идентифицированы в совсем свежем издании, всего 91 был впервые записан как не имеющий известных оставшихся говорящих /7; P. 104/. Мы не можем делать вывод о том, что эти многие языки вышли из употребления за четыре года после предыдущего издания, так как всегда существует временное отставание в сообщении данных. Тем не менее, число отрезвляет. Из 6909 живых языков, находящихся в списке ETHNOLOGUE, 457 определены как *близкие к исчезновению* (Nearly Extinct) – категория, представляющая серьезный уровень угрожаемости. Менее серьезные уровни угрожаемости в настоящее время не выделяются в системе ETHNOLOGUE. Если взять в качестве индикатора языковой угрожаемости такой критерий, как маленькое население, говорящее на языке, нынешнее число языков во всем мире с немногим более чем 10 000 говорящих составило бы 3524, что составляет более 50 процентов установленных живых языков сегодня в мире.

После публикации Шкалы GIDS Фишмана были предложены другие метрики для *оценки факторов*, вносящих вклад в *угрожаемость и витальность*, однако *шкала Фишмана* остается фундаментальной концептуальной моделью для оценки *статуса языковой витальности*. К тому же ETHNOLOGUE долгое время использовала другую схему для

категоризации статуса витальности языка для каждого языка, о котором сообщает.

Спустя десять лет после издания книги Фишман в рамках категорий теории по пересмотру смены языка и практики, указал на следующий пункт: «...заметно меньше внимания (не представлены в фокусе) уделено прикладным направлениям, приоритетам и акцентам». Действительно, то, что кажется самым необходимым, - это теоретически основанный толчок, происходящий из близкого знакомства с широким рядом случаев усилий от имени угрожаемых языков во всех частях мира, включая опыт развитых, сейчас развивающихся и все еще мало разрабатываемых контекстов /7; P. 104/.

Шкала Фишмана – GIDS – Graded Intergenerational Disruption Scale – Дифференцированная шкала межпоколенческого разрыва

Шкала Фишмана фокусируется на *ключевой роли межпоколенческой трансмиссии сохранении языка*. *Если дети не учат язык своих родителей, есть небольшая вероятность того, что в итоге они смогут передать язык своим детям.* GIDS принимает во внимание не только межпоколенческую трансмиссию как индивидуальное решение, принятое родителями, но также и то, что крайне важны социетальные и институциональные альтернативы в воздействии на решения родителей, касающиеся языкового поведения в отношении своих детей. Эти социетальные факторы создают социальное пространство, в котором используются языки. Эти социальные пространства – это то, что Фишман и другие определили как «сферы использования», каждая составляет созвездие участников, местонахождение (location) и темы (topic), которые тесно связаны с конкретным языком. Этот выбор языка откладывается в течение времени как социальная норма, так что использование конкретного языка в конкретном контексте участник – местонахождение – тема становится ожидаемым. Если эти нормы использования начинают разрушаться, начнется смена языка (LanguageShift), так как язык утрачивает

сферы, в которых обосновалось его использование и где его использование ожидается.

Так как число сфер, связанных с языком, начинает сокращаться (т.е., так как язык утрачивает использования), родители могут решить, что язык – это менее ценный ресурс для своих детей, чем другой язык, и поэтому *язык* также начинает *терять пользователей*. GIDS представляет средство оценки того, где язык находится на шкале разрушения от полного использования многими пользователями до неиспользования никем из пользователей. Таблица 2.1 представляет краткое содержание GIDS таким образом, что придает новую форму определению уровней более ясно в терминах сфер и выпуклых моделей использования языка.

Таблица 2.1

Краткое изложение шкалы Фишмана

Уровень	Описание
1	Язык используется в образовании, работе, СМИ, управлении на общенациональном уровне
2	Язык используется местными и региональными СМИ и для правительственных услуг
3	Язык используется для местной и региональной работы как инсайдерами, так и аутсайдерами
4	Грамотность в языке передается через образование
5	Язык используется устно всеми поколениями и эффективно используется в письменной форме во всем обществе
6	Язык используется устно всеми поколениями и изучается детьми как их первый язык
7	Поколение детородного возраста знает язык достаточно хорошо, чтобы использовать его для общения со старшими, но не передается своим детям
8	Единственные оставшиеся носители языка – члены старшего поколения

С точки зрения оценки статуса и витальности языков GIDS фокусируется на уровне разрушения больше, чем на уровне сохранения. Аналитики могут читать ее сверху вниз, начиная с уровня самого незначительного разрушения на шкале (Уровень 1), читая вниз, пока не дойдут до уровня разрушения, который характеризует ситуацию, изучаемую аналитиками. В целом, тенденция такова, что траектория миноритарных языковых сообществ спускается по шкале, а описания каждой стадии находятся в рамках утраты использований (функций, сфер) и пользователей. Фишман указывает, что большинство миноритарных сообществ находятся на уровне 6, и так как фокус ревитализации и усилий по сохранению в том, чтобы укрепить статус языка, можно сделать вывод, что существует пять уровней выше, которые следует проработать, чтобы достичь самого безопасного статуса на уровне один /7; P. 106/.

В то время как GIDS в самом своем начале два десятилетия назад обеспечила новые взгляды на динамику изменения языка и его отмену, некоторые недостатки стали очевидны в контексте применения усилий для сохранения, ревитализации и развития языка. Применение GIDS к конкретным ситуациям также привело к некоторым переутверждениям и реформулировкам уровней, особенно на более высоких уровнях, где роль, формат и природа образования становятся значимыми факторами /7; P. 107/.

Во-первых, GIDS описывает уровни разрыва (disruption) в чисто статистических (стационарных) терминах. Поскольку описание изменений, имеющих место как межпоколенческая трансмиссия, прерывается, оно не учитывает адекватно направление смены языка против развития языка. Тем самым сообщество, находящееся на уровне 6 Шкалы,двигающееся к уровню 7 (смена языка в прогрессе), требует различного набора вмешательств по сравнению с тем, которое находится на уровне 6 и движется к уровню 5 (развитие языка в прогрессе). Необходимо расширение шкалы GIDS на уровне 6, чтобы эти различия сделать возможными.

Во-вторых, шкала GIDS не обеспечивает адекватного описания всех возможных статусов языка. Выше, чем край шкалы, есть группа языков, которые являются

международными по масштабу, и тем самым сильнее, чем уровень 1 Шкалы. Ниже, чем край шкалы, есть языки, которые полностью исчезли, и другие, дремлющие (находящиеся в состоянии покоя) – языки – наследие активного этнического сообщества. Если шкала GIDS должна служить рамкой для описания языков на любой и всех стадиях их жизненного цикла, должны быть выделены несколько дополнительных уровней.

В-третьих, Фишман четко определил *передачу языка из поколения в поколение как единственный самый важный фактор смены языка*. Это означает, что локус усилий по возрождению языка должен быть среди индивидов и в рамках домашнего домена и местного сообщества. Это очевидным образом относится к уровню 6 и ниже. Тем не менее, выше уровня 6 мы видим все более важную роль институтов вне дома, так как трансмиссия и использование расширяются. В то время как уровни 7 и ниже ясно имеют дело с межпоколенческим нарушением, уровни 5 и выше более правильно сосредоточены на институциональном развитии в качестве драйверов для обеспечения более широкой трансмиссии. Сам Фишман наблюдал эту дистинкцию, но она нечетко определена в большинстве репрезентаций GIDS. Формулирование расширенной GIDS делает существенную роль институтов, включая дом, более явной (в частности, роль институтов более высокого уровня вне дома), так как сообщество движется в сторону сильнейших уровней использования языка по шкале.

В-четвертых, и прежде всего, будучи якобы сфокусированной на уровне разрушения оригинальная шкала GIDS меньше всего разработана на самых низких уровнях шкалы, где уровни разрушения самые сильные. Для целей описания смены или утраты языка этот более простой набор категорий может быть всем, что требуется. Однако для целей ревитализации языка полезнее более «зернистый» набор категорий. Разработка GIDS, предложенная сотрудниками SIL International, обеспечивает более богатый набор аналитических категорий и более четкое определение социетальных факторов,

обращение к которым необходимо в каждом конкретном случае.

Рамка языковой угрожаемости ЮНЕСКО

Альтернативная рамка для оценки статуса и витальности языков в опасности была предложена группой экспертов ЮНЕСКО в 2003 году. Рамка ЮНЕСКО устанавливает шесть категорий в масштабе языковой витальности. Для оценки статуса языка рамка обеспечивает набор из девяти параметров, которые могут быть проанализированы для определения категории /8; Р. 77/: Параметры, входящие в данный набор, ранжированы по убыванию значимости: это означает, что самый заметный из них – *межпоколенческая трансмиссия* – намного более важная характеристика, чем, например, тип и качество документации /9; С. 114–115/. Список категорий и их соответствующий статус межпоколенческой трансмиссии представлены в Таблице 2.2.

Таблица 2.2

Рамка языковой угрожаемости ЮНЕСКО /10/

Степень угрожаемости	Межпоколенческая языковая трансмиссия
Безопасный (Safe)	На языке говорят все поколения; межпоколенческая трансмиссия не прервана
Уязвимый (Vulnerable)	Большинство детей говорят на языке, но его использование может быть ограничено определенными сферами (например, дом)
Определенно находящийся под угрозой исчезновения (Definitely endangered)	Дети больше не изучают язык как материнский язык дома
Серьезно	На языке говорят бабушки и дедушки

находящийся под угрозой исчезновения (Severely endangered)	и старшее поколение; поколение родителей может понимать язык, но не разговаривать на нем с детьми или между собой
Критически подвергающийся опасности (Critically endangered)	Самыми молодыми носителями языка являются бабушки и дедушки и старше, они говорят на языке частично и нечасто
Вымерший (Extinct)	Носителей языка не осталось

В отличие от шкалы Фишмана рамка ЮНЕСКО обеспечивает более богатый набор категорий на более слабых уровнях шкалы. Заметим, однако, что она не дифференцирует статус языков, которые находятся выше уровня 6 на шкале GIDS и собирает их всех вместе под единственным названием «в безопасности». Несмотря на некоторые препятствия ее имплементации, рамка ЮНЕСКО начинает использоваться.

Категории языковой витальности ETHNOLOGUE

Ethnologue категоризирует витальность языка в терминах пятиуровневой шкалы, которая больше фокусируется на численности носителей первого языка, чем на других факторах. В таблице 2.3 представлены список категорий и их определения.

Таблица 2.3
Категории витальности Ethnologue /7; P.103-120/

Категория	Описание
Живой	Значительное население носителей первого языка
Только второй язык	Используемый только как второй язык; нет пользователей первого языка, но может включать появление пользователей
На грани	Менее чем 50 носителей или очень

исчезновения	маленькая и уменьшающаяся доля этнического населения
Дремлющий	Нет известных оставшихся носителей, но население связывает свою этническую идентичность с этим языком
Угасший	Не осталось носителей, и нет населения, связывающего свою этническую идентичность с этим языком

Подобно рамке ЮНЕСКО Ethnologue не удалось обеспечить достаточную дифференциацию между языками на более высоком краю шкалы GIDS, где стандартизация и письменное использование языка для образования, работы и управления являются значимым фактором. Существует большое число разнообразия ситуаций и уровней развития, которые лежат в основе языков, которые Ethnologue определяет просто как «живой». Категория принимается по умолчанию и остается неопределенной.

Ethnologue долгое время использовала категорию «только второй язык» для языков, которые все еще в использовании, но которые не изучаются каким-либо сообществом в качестве его первого языка. В целом они были литургическими языками и языками особого использования (жаргон, пиджин и так далее). В 16-м издании эта категория была расширена для того, чтобы включить языки, которые находились в одной точке, считаемой «угасший» (или сейчас – «дремлющий», о чем речь пойдет ниже), но которые ревитализируются и обладают растущей группой появляющихся носителей, которые изучают их язык наследия в качестве второго языка.

В 16-м издании Ethnologue было введено понятие дремлющего языка. Необходимость показать разницу между языками, на которых больше не говорят, но все еще есть самоидентифицирующееся этническое население в отличие от языков, на которых больше не говорят, у которых нет этнического населения, была определена объемом переписки между издательством и членами этнических групп, которые возражали против названия «исчезнувший», хотя у них и не

осталось носителей первого языка, которые могли бы быть установлены. Следуя традиции в литературе говорить «пробуждающийся спящий язык», категория «дремлющий» была добавлена к первому, в то время как сохраняющийся «исчезнувший» для последнего.

Эти частичные модификации и аккомодации схемы Ethnologue к меняющимся угрозам и ревитализации языка сделали очевидным то, что необходима основательная и всеобъемлющая рамка категорий, для того чтобы учесть более широкий ряд факторов и ситуаций языков мира на всех стадиях разрушения и развития.

Расширенная GIDS (EGIDS)

Как отмечают исследователи Пол Льюис и Гэри Симонс, «гармонизация всех трех схем могла бы быть широко полезной и релевантной как для аналитиков, так и для практиков» /7; P. 109/. Расширенная версия GIDS, которая включает такую гармонизацию, показана в таблице 2.4.

Таблица 2.4

Расширенная GIDS – расширенная шкала,
устанавливающая межпоколенческий разрыв
(адаптирована на основе Шкалы Фишмана)

Уровень	Лейбл	Описание	ЮНЕСКО
0	International Международный	Язык используется на международном уровне для широкого ряда функций	В безопасности
1	National Государственный	Язык используется в образовании, работе, СМИ и управлении на общегосударственном уровне	В безопасности
2	Regional Региональный	Язык используется местными и региональными СМИ, для управленческих	В безопасности

		услуг	
3	Trade Торговый	Язык используется в работе на местном и региональном уровнях как инсайдерами, так и аутсайдерами	В безопасности
4	Educational Образовательный	Грамотность в языке передается через систему публичного образования	В безопасности
5	Written Письменный	Язык используется устно всеми поколениями и эффективно используется в письменной форме частями сообщества	В безопасности
6a	Vigorous Энергичный	Язык используется устно всеми поколениями и изучается детьми как их первый язык	В безопасности
6b	Threatened Под угрозой	Язык используется устно всеми поколениями, но только некоторые из детородного поколения передают его своим детям	Уязвимый
7	Shifting Меняющийся	Поколение детородного возраста знает язык достаточно хорошо, чтобы общаться между собой, но никто не передает его своим детям	Определенно под угрозой
8a	Moribund Умирающий	Единственные оставшиеся активные носители языка – члены поколения бабушек и дедушек	Серьёзно угрожаемый

8b	Nearly Extinct На грани исчезновения	Единственные оставшиеся носители языка – члены поколения бабушек или старше, у которых небольшие возможности использовать язык	Критически угрожаемый
9	Dormant Дремлющий	Язык служит напоминанием об идентичности для этнического сообщества. Язык выполняет символические функции	Вымерший
10	Extinct Вымерший	Никто не сохранил чувство этнической идентичности, связанное с языком, даже в символических целях	вымерший

Уровень 0 – международный – на этом уровне находится относительно немного языков, которые, несомненно, используются на международном уровне. Если какие-либо языки меньшинств даже стремятся к этому уровню безопасности и использования, она включена для полноты и для того, чтобы позволить категоризацию всех языков мира.

Уровень 1 – государственный – этот уровень охватывает языки, которые функционируют как государственные или официальные, имеют полное устное использование и что, возможно, важнее – письменное использование, которое поддерживается аппаратом нации-государства через стандартизацию, использование в правительственных документах, обязательном образовании на государственном уровне, в официальных изданиях и институтах распространения.

Уровень 2 – региональный – этот уровень охватывает языки, которые функционируют как государственные, но на

более локализованном, региональном уровне. Они могут и не иметь настолько много ресурсов, доступных им, или большую институциональную поддержку, как государственный язык, но они точно признаны и продвигаются региональными институтами образования, государственных услуг и массмедиа.

Уровень 3 – торговый – это уровень охватывает языки, которые могут и не иметь официального признания, но являются «перевозочными» в том, что они используются в качестве второго языка членами составных сообществ первого языка и служат важным функциям для бизнеса и межгрупповой коммуникации. Они изучаются за пределами дома как формально, так и неформально, и часто обладают стандартизированной (хотя возможно и несанкционированной официально) письменной формой.

Уровень 4 – образовательный – этот уровень включает языки, которые используются и как средство обучения, и как предметы изучения в системе институционально поддерживаемого, широко доступного образования. Это может быть первый язык грамотности для носителей миноритарных языков с возможным приобретением и переходом на один из языков на более высоком уровне шкалы для более экстенсивного письменного использования. Эта стадия часто описывается как «грамотность в материнском языке» или «грамотность в первом языке». Институциональная поддержка приобретения грамотности может располагаться преимущественно в местном сообществе и обеспечиваться более или менее официально установленными местными институтами, которые устойчивы.

Уровень 5 – письменный – этот уровень, на котором грамотность зарождается, почти всегда неформально передается и с только слабой или преходящей институциональной поддержкой. Хотя введение грамотности может значительно послужить повышению престиже миноритарного языка и может увеличить его перспективы для выживания во многих случаях, более сильная институциональная поддержка приобретения грамотности на уровне выше требуется для продолжающейся трансмиссии

грамотности на местном языке от одного поколения к следующему.

Уровень 6a – энергичный – это уровень постоянного устного использования. Передача языка между поколениями цела и широко распространена в сообществе. Условия использования и передачи языка стабильны или набирают силу.

Уровень 6b – под угрозой – это уровень устного использования, который характеризуется нисходящей траекторией. Различие между двумя типами уровня 6 следует из наблюдения, что 6-й уровень охватывает линию диглоссии.

Уровень 6a представляет собой стабильную диглоссическую конфигурацию, где устные функции приписываются языку L, а письменные – языку H. Напротив, уровень 6b представляет собой утрату стабильной диглоссии, с устными доменами, где используется другой язык (или языки). На уровне 6b многие родители передают язык своим детям, но значительная часть – нет, так что межпоколенческая трансмиссия является частичной и может ослабевать.

Уровень 7 – меняющийся – это уровень, который идентифицирует четкие случаи сдвига языка в прогрессе. Тот факт, что родители не передают язык своим детям, очевиден, поскольку это стало нормой в языковом сообществе. Следовательно, домены, где доминирует использование языка, сужаются. Ревитализация языка через восстановление трансмиссии дома по-прежнему было бы возможной на этом этапе, поскольку язык был первым языком для большинства родителей.

Уровень 8a – умирающий – это случай, представленный описанием в шкале Фишмана GIDS стадией 8. Только старшее поколение (дедушки и бабушки) используют язык активно и часто, хотя некоторые в родительском поколении могли бы на нем говорить, хотя, вероятно, с меньшим мастерством и с многочисленными примерами контактных явлений, если бы потребовалось.

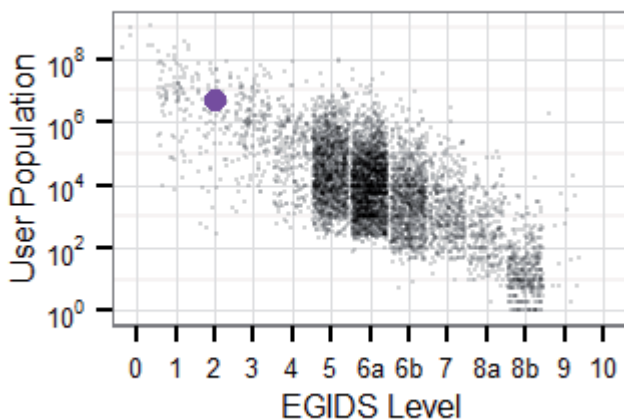
Уровень 8b – на грани исчезновения – этот уровень охватывает ситуацию стереотипной потери языка, когда единственными говорящими остаются поколения дедушек или

прадедушек, их так мало или они рассеяны, что у них мало возможностей использовать язык в общении друг с другом.

Уровень 9 – дремлющий – этот уровень описывает ситуацию, которая становится все более распространенной среди языков, которые давно исчезли из употребления. (И Ethnologue, и ЮНЕСКО используют 1950 в качестве удобной пороговой даты.) В некоторых случаях усилия по ревитализации могут быть наименее предполагаемыми. Сообщество может иметь сильное (и, возможно, возрастающее) чувство идентификации с языком наследия, на котором больше не говорят, и желание способствовать его использованию для укрепления идентичности.

Уровень 10 – вымерший – этот уровень учитывает те ситуации, в которых не осталось говорящих и отсутствует мотивация в сообществе, чтобы сохранить связь с языком, по крайней мере, на ближайшее будущее. Поскольку сообщества подходят к этому этапу, важно, чтобы их поощряли и содействовали в документации лингвистических и социокультурных практик, которые будут адекватны для сохранения памяти о языке для будущих поколений. С такой документацией ревитализация, по крайней мере, к стадии восстановления лингвистической идентичности (уровень 9 EGIDS) может быть достижима в какой-то момент в будущем, если сообщество пожелает.

Рис. 2.1. Татарский язык в облаке живых языков /11/

Место татарского языка в облаке всех живых языков мира изображено большой фиолетовой точкой. Каждый язык представлен точкой, отражающей соотношение населения (вертикальная ось) и уровня его развития или угрожаемости (горизонтальная ось). Самые большие и сильные языки расположены в верхней левой части облака, а малые и самые слабые (близкие к исчезновению) – в правой нижней части. Вертикальная ось отражает численность населения по первому языку говорящих, горизонтальная ось – уровни EGIDS – Expanding Graded Intergenerational Disruption Scale – многомерной шкалы, фокусирующей на различных аспектах жизнеспособности языка. Шкала состоит из 13 уровней, где каждое число представляет уровень нарушения межпоколенческой передачи языка. Более сильные, жизнеспособные языки имеют низкие цифры шкалы. Уровень татарского языка – 2 – региональный, то есть используемый в образовании, работе, массмедиа и управлении в рамках основных административных подразделений государства

Шкала Фишмана сохраняет основополагающую роль в дискурсе об угрожаемости языков. Атлас ЮНЕСКО и всеохватывающий каталог Ethnologue также высоко влиятельны

и практичны для описания ситуаций с языками мира. Ключевым параметром всех трех описанных инструментов, позволяющих определить витальность языка, выступает *межпоколенческая трансмиссия*. Каждый язык, у которого нет нормальной передачи от поколения к поколению, то есть, нарушена межпоколенческая трансмиссия, проходит через неизбежные этапы угасания /9; С. 101/. Воля или сила языкового сообщества передавать свой язык или вариант языка следующим поколениям определяет жизнеспособность или витальность языка.

3. Татарский язык в информационно-политическом пространстве

В информационно-политическом пространстве происходит постоянное обновление тематики, актуализируются новые образы и символы, на первый план выходят разнообразные темы. Анализ их смыслового наполнения – важная исследовательская задача и в то же время инструмент определения картины предпочтений в современном обществе. В этой связи «влияние СМИ и других информационных технологий на общественную атмосферу, на массовые представления людей, на их самосознание и поведение в поликультурной и поликонфессиональной стране огромно. Роль СМИ, журналистов и всех других авторов, создающих и транслирующих свои материалы через разные каналы массовой информации, в формировании взглядов и поведения людей, в состоянии межэтнической атмосферы в стране трудно переоценить» /12; С. 5/ Данный раздел отчета посвящен одному из компонентов информационно-политического пространства – татарскому языку. Задача исследования заключается в том, чтобы определить объемы и тематические сюжеты, проследить их динамику в печатных и электронных изданиях федерального, регионального и зарубежного уровней.

В таблице 3.1 представлены доли различных категорий СМИ по упоминаемости «татарского языка» в общем информационном поле.

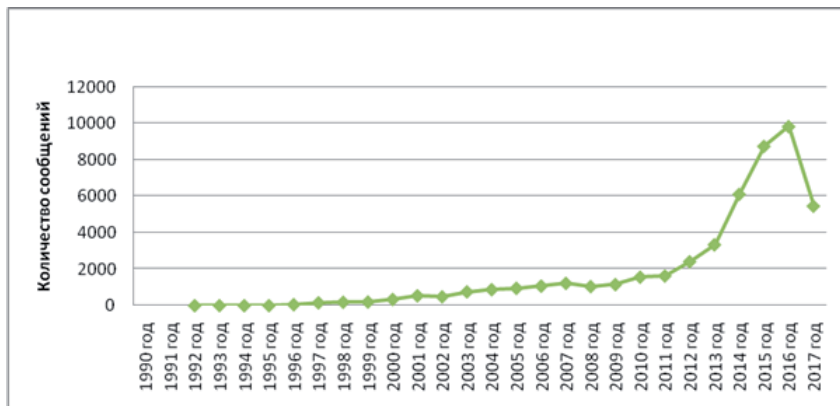
Таблица 3.1

Доля различных категорий СМИ по упоминаемости
«татарского языка» в общем информационном поле

Уровни СМИ	Категория СМИ					
	Пресса	Интернет-издания	Информагентства	ТВ и радио	Агрегаторы новостей	Информация официальных учреждений
	Количество материала					
Региональный	18 192	14 886	794	301	6206	776
Федеральный	1439	3921	21	104	-	-
Зарубежный	-	1514	113	-	-	-

В соответствии с таблицей 3.1 самый высокий процент публикаций о татарском языке приходится на региональную прессу – 38 % или 18 192 материала, региональные интернет-издания – 31 % (14 886), заметно меньше на региональные информагентства – 1,65 % (794), региональные ТВ и радио – 0,62 % (301), а также агрегаторы новостей – 13 % (6206). Доля публикаций в федеральных интернет-изданиях составляет 8 % (3921 материал), федеральной прессе – 3 % (1439) и федеральных ТВ и радио – 0,22 % (104 материала). Информация официальных учреждений преимущественно регионального уровня составляет 1,6 % (776 материалов). Также обращает на себя внимание объем публикаций в зарубежных интернет-изданиях – 3,14 % (1514) и зарубежных информагентствах – 0,23 % (113 материалов). Таким образом, публикации, посвященные татарскому языку, наиболее широко представлены в региональном информационном пространстве (71 % материалов) в отличие от федерального, совокупная доля которого составляет 11,36 %.

Проследить динамику публикаций по заданной теме позволяет диаграмма, представленная на рисунке 3.1.

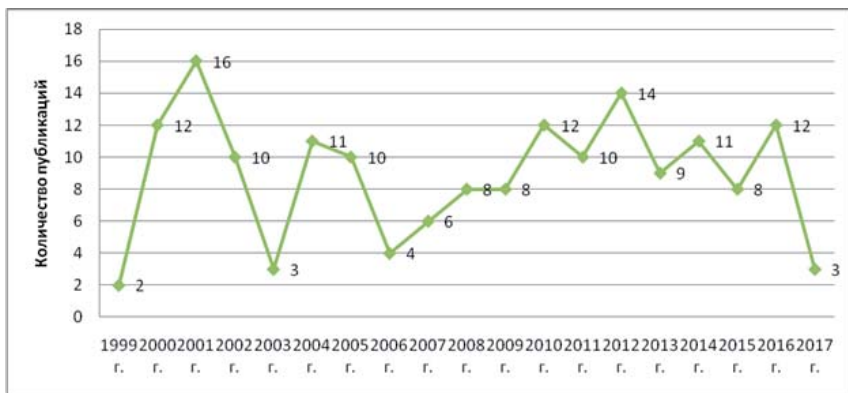
Рис. 3.1. Динамика упоминаний словосочетания «татарский язык» в информационно-политическом пространстве (по годам, 1990–2017 гг.)

В соответствии с рисунком 3.1 наблюдается устойчивый рост интереса к тематике татарского языка. Пиковые значения наблюдаются в 2016 году – 9845 сообщений во всех категориях СМИ. Спад в 2017 году связан с датой, когда был выполнен запрос в системе «Интегрум» – это август 2017 года, хотя детальный запрос, выполненный уже в октябре 2017 года в системе «Медиалогия» демонстрирует небывалый рост числа сообщений о татарском языке, что обусловлено июльским заседанием Совета по межнациональным отношениям в Йошкар-Оле и последовавшими поручениями главы российского государства, выступившими острым информационным поводом и вызвавшими общественный резонанс; об этом речь пойдет ниже.

Пиковые значения публикаций о татарском языке наблюдаются в региональной прессе в 2015 году – 4055; в региональных интернет-изданиях – в 2016 году – 2873; в федеральной прессе в 2014 году – 134 публикации, а в том же 2014-м году общий объем публикаций о татарском языке в региональной прессе составил 1415; 645 – это пиковое значение для федеральных интернет-изданий в 2014 году. Здесь также необходимы уточненные запросы в конце 2017 года, что

позволит увидеть наиболее объективную картину упоминаемости татарского языка, учитывая информационный контекст.

В «Независимой газете» - одном из самых рейтинговых общественно-политических изданий – в соответствии с рисунком 3.2 за последние 18 лет (1999 – 2017 г.г.) опубликовано 139 материалов о татарском языке (2 – 1999 г., 12 – 2000 г., 16 – 2001 г., 10 – 2002 г., 3 – 2003 г., 11 – 2004 г., 10 – 2005 г., 4 – 2006 г., 6 – 2007 г., 8 – 2008 г., 8 – 2009 г., 12 – 2010 г., 10 – 2011 г., 14 – 2012 г., 9 – 2013 г., 11 – 2014 г., 8 – 2015 г., 12 – 2016 г., 3 – 2017 г.). В этом плане «Независимая газета» является одним из наиболее активных источников из категории «Федеральная пресса», посвящающих материалы татарскому языку.

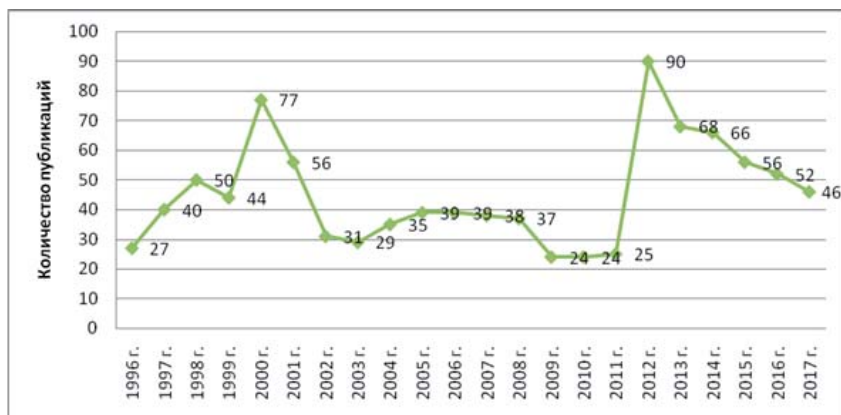

Рис. 3.2. Динамика публикаций о татарском языке в периодическом издании «Независимая газета» (1999–2017 гг.)

На региональном уровне обращают на себя внимание проблемные публикации, посвященные татарскому языку, в общественно-политической газете «Вечерняя Казань», «чаще всего следующей принципу соблюдения баланса при публикации дискуссионных материалов и старающейся дать слово участникам с разными позициями» /13; С. 65/

Л.В. Сагитова отмечает, что «политика по развитию двуязычия в республике отражена во всех СМИ», она же акцентирует внимание на различающихся идеологически дискурсах билингвизма – официальном дискурсе и оппозиционном дискурсе, воспроизводящихся в региональных и федеральных изданиях /13; С. 62/. «В республиканских СМИ широко освещаются правительственные шаги по реализации программ, связанных с развитием языков. Ключевыми составляющими официального дискурса выступают идеологемы равенства русского и татарского языков в Республике Татарстан, значимости и важности любого языка в развитии личности и общества; акцентирование духовных и инструментальных ресурсов билингвизма» /13; С. 63–64/.

В соответствии с рисунком 3.3 пиковые значения публикаций о татарском языке в «Вечерней Казани» приходятся на 2000 г. – 77 публикаций и 2012 г. – 90 публикаций.

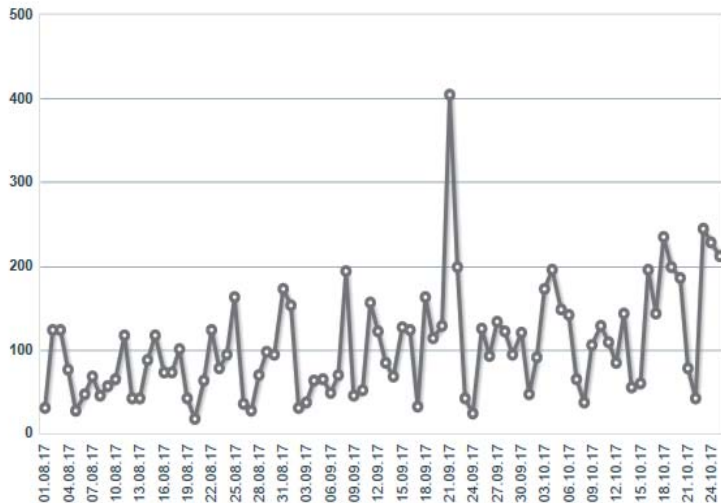

Рис. 3.3. Динамика публикаций о татарском языке в общественно-политической газете «Вечерняя Казань» (1996–2017 гг.)

Вопрос двуязычия в школе остается наиболее дискуссионной темой и «болевым точкой», что подтверждается «острой» ситуацией, сложившейся вокруг языковой

проблематики летом и осенью 2017 года. Наблюдается явное преобладание негативной тональности в информационной среде относительно будущего татарского языка и русско(национально)-татарского двуязычия. Доминирующей выступает идеологема «близящегося исчезновения» татарского языка – весьма показательны в этом отношении заголовки деловой электронной газеты Татарстана «БИЗНЕС ONLINE»: «Доживет ли татарский язык до понедельника?» (19 октября 2017 г.), «Татарскому языку реанимация нужна, а мы о макияже говорим» (03 августа 2017 г.), «Республиканское «представительное собрание» с участием Песошина и Фаттахова приняло резолюцию о судьбе татарского языка» (25 октября 2017 г.) и многие другие. В средствах массовой информации наблюдается резкий рост публикаций – за период с 01 августа 2017 года по 25 октября 2017 года поисковая система «Медиалогия» по ключевому слову «татарский язык» выдала 8949 сообщений, что представлено на рисунке 3.4. Пиковые значения за этот период приходятся на 21 сентября 2017 года и связаны с ежегодным посланием Президента Республики Татарстан Р. Минниханова Государственному Совету Республики Татарстан, в котором были затронуты вопросы функционирования татарского и русского языков. Президент заявил о том, что «татарский язык останется обязательным в школах Республики Татарстан». При этом он прокомментировал и жалобы родителей на то, что, несмотря на большое количество уроков татарского языка, по окончании школы дети часто не могут на нем разговаривать, согласившись с тем, что необходимо улучшить качество преподавания и этого предмета. Также он заявил о том, что школьники должны лучше знать и русский язык.

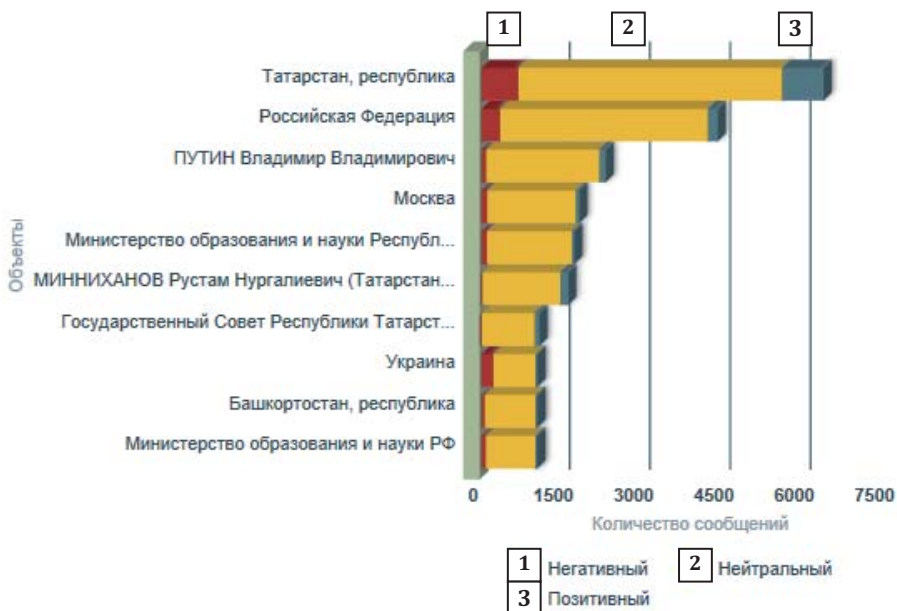

© Медиалогия

Рис. 3.4. Динамика упоминаний «татарского языка» в информационно-политическом пространстве (01 августа 2017 г. – 25 октября 2017 г.)

Частота упоминания ряда объектов – географических названий, имен политиков, ряда государственных ведомств в анализируемом массиве данных также свидетельствует об актуализации проблематики «татарского языка».

В соответствии с рисунком 3.5 за период с 01 августа 2017 г. по 25 октября 2017 года «Республика Татарстан» упоминается в 6399 сообщениях, «Российская Федерация» – в 4422 сообщениях, «Путин Владимир Владимирович» – 2382, «Москва» – 1834, «Министерство образования и науки Республики Татарстан» – 1740 и т. д.

© Медиалогия

Рис. 3.5. Оценка качества упоминаний ряда слов и словосочетаний, связанных с темой «татарский язык» (все категории СМИ, 01 августа 2017 г. – 25 октября 2017 г.)

В соответствии с таблицей 3.2 наиболее активные источники, упоминающие «татарский язык» - это газеты, журналы, информагентства, интернет, ТВ и блоги регионального уровня – всего 5893 сообщений; при этом доминируют сообщения с региональным интернет-пространстве – 4683 с превалярованием высокой эмоциональной составляющей над логической, что часто приводит к упрощению суждений, их радикальности, субъективности и некорректности; СМИ федерального уровня составляют 2557 сообщений, зарубежный уровень представлен 499 сообщениями.

Таблица 3.2

Распределение упоминаний словосочетания «татарский язык» по уровням и категориям СМИ
(01 августа 2017 г. – 25 октября 2017 г.)

№	Уровни/ Категории	Газеты	Журналы	Информационные агентства	Интернет	ТВ	Радио	Блоги	Всего
1	Региональный	747	13	389	4683	53	0	8	5893
2	Федеральный	23	1	129	2156	10	6	232	2557
3	Зарубежный	19	0	13	464	0	0	3	499
4	Всего	789	14	531	7303	63	6	243	8949

Более детальное представление о региональных средствах массовой информации дает рисунок 3.6.

Рис. 3.6. Региональные СМИ по количеству сообщений о татарском языке
(01 августа 2017 г. – 25 октября 2017 г.)

В соответствии с таблицей 3.3 наиболее активно о татарском языке писали СМИ Республики Татарстан – 3831 сообщение, Москвы – 2609, Республики Башкортостан – 312, Нижегородской области – 278, Самарской области 189 и т.д.

Таблица 3.3

Распределение упоминаний словосочетания «татарский язык» по регионам Российской Федерации
(01 августа 2017 г. – 25 октября 2017 г.)

№	Регион	Количество сообщений	Округ
1	Республика Татарстан	3831	Приволжский федеральный округ
2	Москва	2609	Центральный федеральный округ
3	Республика Башкортостан	312	Приволжский федеральный округ
4	Нижегородская область	278	Приволжский федеральный округ
5	Самарская область	189	Приволжский федеральный округ
6	Санкт-Петербург	171	Северо-Западный федеральный округ
7	Ханты-Мансийский Автономный округ	101	Уральский федеральный округ
8	Республика Крым	79	Южный

			федеральный округ
9	Ульяновская область	67	Приволжский федеральный округ
10	Чувашская Республика	58	Приволжский федеральный округ
11	Севастополь	48	Южный федеральный округ
12	Саратовская область	46	Приволжский федеральный округ
13	Ставропольский край	44	Северо-Кавказский федеральный округ
14	Ростовская область	36	Южный федеральный округ
15	Челябинская область	35	Уральский федеральный округ
16	Ярославская область	33	Центральный федеральный округ
17	Свердловская область	29	Уральский федеральный округ
18	Удмуртская Республика	29	Приволжский федеральный округ

19	Тюменская область	28	Уральский федеральный округ
20	Пензенская область	26	Приволжский федеральный округ
21	Красноярский край	26	Сибирский федеральный округ
22	Пермский край	23	Приволжский федеральный округ
23	Тверская область	23	Центральный федеральный округ
24	Новосибирская область	21	Сибирский федеральный округ
25	Краснодарский край	19	Южный федеральный округ
26	Республика Саха (Якутия)	19	Дальневосточный федеральный округ
27	Республика Дагестан	19	Северо- Кавказский федеральный округ
28	Курганская область	18	Уральский федеральный округ
29	Воронежская область	15	Центральный федеральный округ

30	Республика Мордовия	14	Приволжский федеральный округ
31	Оренбургская область	12	Приволжский федеральный округ
32	Псковская область	12	Северо-Западный федеральный округ
33	Московская область	11	Центральный федеральный округ
34	Республика Коми	11	Северо-Западный федеральный округ
35	Республика Тыва	9	Сибирский федеральный округ
36	Кировская область	8	Приволжский федеральный округ
37	Калининградская область	8	Северо-Западный федеральный округ
38	Приморский край	8	Дальневосточный федеральный округ
39	Томская область	8	Сибирский федеральный округ
40	Карачаево-Черкесская Республика	8	Северо-Кавказский федеральный округ

41	Волгоградская область	7	Южный федеральный округ
42	Тамбовская область	7	Центральный федеральный округ
43	Костромская область	6	Центральный федеральный округ
44	Республика Ингушетия	5	Северо-Кавказский федеральный округ
45	Омская область	5	Сибирский федеральный округ
46	Алтайский край	5	Сибирский федеральный округ
47	Кемеровская область	5	Сибирский федеральный округ
48	Республика Марий Эл	5	Приволжский федеральный округ
49	Брянская область	4	Центральный федеральный округ
50	Сахалинская область	4	Дальневосточный федеральный округ
51	Республика Бурятия	4	Сибирский федеральный округ

52	Астраханская область	4	Южный федеральный округ
53	Ямало-Ненецкий Автономный округ	4	Уральский федеральный округ
54	Владимирская область	3	Центральный федеральный округ
55	Иркутская область	3	Сибирский федеральный округ
56	Белгородская область	3	Центральный федеральный округ
57	Орловская область	3	Центральный федеральный округ
58	Смоленская область	3	Центральный федеральный округ
59	Республика Хакасия	3	Сибирский федеральный округ
60	Вологодская область	3	Северо-Западный федеральный округ
61	Архангельская область	2	Северо-Западный федеральный округ
62	Ленинградская область	2	Северо-Западный федеральный округ

63	Рязанская область	2	Центральный федеральный округ
64	Новгородская область	2	Северо-Западный федеральный округ
65	Республика Калмыкия	2	Южный федеральный округ
66	Республика Карелия	2	Северо-Западный федеральный округ
67	Амурская область	2	Дальневосточный федеральный округ
68	Республика Адыгея	2	Южный федеральный округ
69	Кабардино-Балкарская Республика	1	Северо-Кавказский федеральный округ
70	Чеченская Республика	1	Северо-Кавказский федеральный округ
71	Ивановская область	1	Центральный федеральный округ
72	Тульская область	1	Центральный федеральный округ
73	Республика Алтай	1	Сибирский федеральный

			округ
74	Курская область	1	Центральный федеральный округ
75	Мурманская область	1	Северо-Западный федеральный округ

4. Аналитическая модель в области планирования престижности татарского языка

В общепризнанных концептуальных разработках моделей языковой политики и ее составляющих центральное место занимают две взаимосвязанные дихотомии. С одной стороны – различие мер, связанных с планированием статуса языков, с одной стороны, и различие курса собственно планирования языковой политики (сконцентрированного преимущественно вокруг категории «форма») и усилий, связанных с культивированием языков (т.е. – всего, что ассоциируется с категорией «функция»). Вторая из названных дихотомических переменных («политика» – «культивирование») отражает важное обстоятельство. В одном случае подразумеваются решения, касающиеся языковой ситуации в обществе в целом, значительного – макросоциального – масштаба, крупные изменения в нормативном устройстве языковой жизни, что на практике происходит не очень часто, но, скорее, в режиме дискретности, без какой-либо заранее заданной периодичности. В другом случае – практика, нацеленная на регулятивное воздействие в постоянном поддерживающем или развивающем режиме, в том числе и по преимуществу на мезо- и микро-социальном уровнях языкового функционирования /14; P. 21/.

В систематизированном виде аналитическая схема языковой политики с точки зрения ее целей и направлений отражена в таблице 4.1 /15; P. 122–123/.

Таблица 4.1

Аналитическая схема языковой политики
с точки зрения ее целей и направлений

Подходы	Планирование языковой политики (в области формы)	Планирование мер культивирования (в области функции)
Типы		
Планирование статуса (использование языка)	«Оффициализация» «Национализация» Стандартизация статуса Запреты	Возрождение Поддержание Распространение Межъязыковая коммуникация
Планирование овладения языком (носители языка)	Группы Образование/Школа Литература Религиозная сфера СМИ Рабочие места ----- СЕЛЕКЦИЯ <u>Формальная роль языка</u> <i>Экстралингвистические цели</i>	Вторичное усвоение Поддержание Языковой сдвиг Изучение иностранных языков/второй язык/грамотность ----- ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ <u>Функциональная роль языка</u> <i>Экстралингвистические цели</i>
Планирование корпуса (язык как система)	Стандартизация корпуса «Графизация» (определение графической основы языка)	Модернизация лексики (новые функции) Модернизация стилистики (новые функции) Обновление (новые формы – старые функции)

		Пурификация Реформа Упрощение стилистики Унификация терминологии
	----- КОДИФИКАЦИЯ <u>Форма языка</u> <i>Лингвистические</i> <i>цели</i>	----- РАЗРАБОТКА <u>Функционирование</u> <u>языков</u> <i>Лингвистические цели</i>

В зарубежной научной литературе, посвященной проблематике языковой политики и языкового планирования, на рубеже 1980–1990-х годов были сформулированы предложения относительно того, чтобы выделять престижность языков в качестве специального, относительно самостоятельного функционального направления, компонента или области (подсистемы) регулятивного воздействия тех или иных субъектов – правящих или не правящих (агентств, групп, индивидов) – на языковую ситуацию и языковые процессы, происходящие в обществе. Если в предыдущем академическом и экспертном дискурсах в рассматриваемом тематическом пространстве престиж языка рассматривался в качестве чего-то, по определению выступающего в роли составного элемента планирования статуса и планирования корпуса (своеобразных «классических» аспектов языкового планирования), суть упомянутых инициатив выразилась в том, чтобы *наделять престиж значимостью особой цели языкового регулирования как таковой* /16; Р. 103–126/. Основной аргумент в пользу такого признания состоит в том, что мероприятия по планированию политики в области статуса или корпуса языка сами по себе еще *не гарантируют повышения ценностной привлекательности тех или иных языков*. Напротив, недостаточность характеристик престижности непосредственным образом негативно сказывается на перспективах имплементации мер, планируемых

применительно к статусу и корпусу языка, снижая практическую эффективность таковых.

Престиж языка интерпретируется и в российских работах по социолингвистике. Это – «социально-психологическая оценка языка, владение которым формально или неформально соотносится с высоким статусом индивида или группы. Для носителей миноритарных языков *престижным* является в первую очередь государственный язык, совпадающий, как правило, с языком большинства граждан государства. Престиж языка играет *ключевую роль* [выделено – О.Я.] в деле сохранения лингвистического своеобразия группы» /17; с. 172/.

Таблица 4.2

Аналитическая схема планирования статуса, престижа и корпуса языка

♦♦♦♦				
	Сферы языкового планирования		Сферы языкового культивирования	
	Деятельность правительства	Деятельность агентств	Действия групп	Действия индивидов
Планирование статуса	4.1	3.1	2.1	1.1
↑ ↑ ↑ ↑				
<i>Планирование престижа</i>	официальное продвижение	институциональное продвижение	продвижение через группы	индивидуальное продвижение
↓ ↓ ↓ ↓				
Планирование корпуса	4.2	3.2	2.2	1.2
	Уровень 4	Уровень 3	Уровень 2	Уровень 1
<i>максимум</i>	← <i>Организационная эффективность</i> →			<i>минимум</i>

Конкретные сочетания структурных аспектов и субъектной активности в процессе планирования престижа как

относительно самостоятельного направления языкового планирования (языковой политики) сопровождается некоторыми историческими примерами:

1.1. низкая или минимальная эффективность в планировании статуса языка за счет индивидуальных усилий иллюстрируется такими случаями, как инициативы протестантского епископа и финляндского деятеля Реформации, основоположника литературного финского языка XVI века Микаэла Агриколы (1510–1557 гг.), связанные с переходом на финский язык как средство школьного обучения; как усилия и предложения ученого-лингвиста и члена Сената США Сэмуэля Хаякавы в 80-е годы придать английскому языку официальный статус в этой стране;

1.2. не приведшие к успеху движения пуристского толка за чистоту немецкого языка во главе с просветителями XIX, представляющие течение лингвистического романтизма (например, И.Г. Фихте), а также реформаторские требования, связанные с упрощением английского правописания в 1930-40 гг. (Дж. Б. Шоу);

2.1. низкая результативность группового политико-лингвистического курса Гэльской Лиги, начиная с 1893 г., связанная с поддержкой ирландского языка в качестве родного языка и разговорного варианта, а также – движение за сохранение, возрождение и выживание языков аборигенных племен в Австралии;

2.2. неудавшиеся попытки разработки письменного стандарта современного окситанского языка, предпринятые писателями и филологами в рамках основанного в 1854 г. движения за возрождение провансальской литературы (Фелибры), или – незавершенные проекты Комиссии по языку маори, связанные с подготовкой словаря этого языка в качестве стандартизированного;

3.1. в качестве иллюстрации случаев ограниченной «организационной» эффективности, связанной институциональным продвижением в контексте планирования престижа, приводятся такие примеры, как деятельность по утверждению стабильных функций двух вариантов норвежского языка – *нюнорск* (переименованной в 1929 г.

одной из разновидностей норвежского языка - лансмолла, который был искусственно сконструирован И. Осеном в середине XIX в.) и *букмола* (языка, называвшегося до 1929 г. риксмоллом и представлявшим собой обособленный датско-норвежский язык на основе датского письменного языка и норвежского субстрата); а также – процесс имплементации «закона Тубона» (1994 г.), принятого французским правительством с целью предотвратить бесконтрольное использование заимствований из английского языка в официальном, коммерческом, рабочем сегментах языковой коммуникации – проявление политико-лингвистической идеологии, установок и курса на пурификацию;

3.2. умеренная результативность усилий по обеспечению норм терминологической модернизации национальных языков скандинавских стран; создание новых лексических единиц на индонезийском и малайском языках

4.1. в качестве примеров высокой эффективности обеспечения престижности в связи с планирование статуса за счет языковой политики органов государственной власти и законодательной деятельности приводятся меры по определению статуса французского, датского и немецкого языков в Бельгии;

4.2. опыт успешного обеспечения мероприятий по планированию престижности, связанных с регулятивным воздействием на характеристики корпуса языков приводятся решения и практика их претворения в жизнь, связанные с созданием систем письменности (алфавитов) ранее бесписьменных языков народов Советского Союза /16; Р. 103-126/, /18; Р. 50-51/.

Концептуальные подходы к роли планирования престижа языка включают ряд взаимосвязанных аналитических принципов и сформулированных положений.

Первое, выделение такого относительно самостоятельного и обособленного направления языковой политики, как планирование престижа, не предполагает симметричной взаимной зависимости или причинно-следственной связи между этим направлением, с одной стороны, и мероприятиями по планированию в области корпуса

и статуса языка, с другой стороны. Так, утверждается, что состояние престижности языка как таковое не зависит напрямую от успешности планирования статуса и корпуса данного языка. Однако эффективность политико-управленческих усилий в этих двух областях (статус и корпус), напротив, испытывает прямое влияние факторов престижности. При недостаточности таковой действия субъектов языкового регулирования в области статуса и корпуса с большой долей вероятности могут закончиться неудачей. Воздействие на структуру языка и его положение в обществе связано с восприятием соответствующих шагов под углом зрения ценностных критериев и отражающей их оценочных установок (восприятие или отторжение), представляющих определенную шкалу. При этом речь идет о показателях престижности двустороннего характера: то, что ассоциируется с участниками языкового планирования, а также – с целевой аудиторией носителей языка. В данном различии подразумевается как производство предлагаемых норм и принципов языковой политики, так и их восприятие /16; Р. 105/.

В дополнение к такому «элементарному» разграничению можно назвать еще один значимый источник связанных с престижностью ценностных суждений в лице экспертного сообщества. В академических и научно-публицистических жанрах российского дискурса о языковой политике можно, например, встретить резко критические суждения относительно состояния и качества нормативно-правового регулирования языковых отношений в стране – и относительно русского языка, и относительно языков народов России. Так, авторитетный лингвист М.А. Кронгауз пишет: «Неуклюжий закон о русском, а потом о государственном языке был, без сомнения, политической акцией, а никак не лингвистической и не общественной, и даже не юридической. Он содержал абстрактные декларации в поддержку и защиту русского языка, а также запреты, касающиеся брани и оскорблений и использования иностранных слов. При этом настораживала некоторая невнятность формулировок, а также тот факт, что из текста закона не было ясно, как будут наказываться соответствующие нарушения. По сути, это был

вовсе даже не закон, а особого рода патриотическое высказывание о русском языке, в «декларативной части» содержащее его восхваление, а в «запретительной части» – не вполне ясную угрозу, непонятно кому адресованную» /19/.

Еще одно критическое суждение принадлежит признанному специалисту-языковеду, академику В.М. Алпатову, который пишет о том, что ситуация с малыми языками усугубляется отсутствием чёткой государственной политики, соглашаясь с точкой зрения, согласно которой целесообразно вернуться «к тому опыту, который был в советское время». «Пока государственные решения, если и принимаются, – продолжает ученый, – то в сторону распространения русского языка, как в отношении ЕГЭ. Отсутствие экзамена по национальному языку и требование обязательной сдачи ЕГЭ на русском языке, конечно, способствуют распространению русского языка, но возвращают языковую политику даже не к советским временам, а к дореволюционной политике обрусения, и на практике ведут к свертыванию образования на малых языках. А если нет целенаправленной политики, то ее место занимает рыночная стихия» /20/; С. 1-2/.

Второе. Характеристики престижности языка и, соответственно, – деятельности различных субъектов языковой политики, включают мотивации, эффекты и последствия качественно разного порядка. Это – и *социально-психологические* реакции самого языкового сообщества (носителей языка), выражающиеся либо в энтузиазме и воодушевлении, либо в индифферентном восприятии принимаемых решений, либо в их отторжении и в негативном отношении к тем или иным мерам как искусственно навязываемым. Еще одна категория параметров престижности языка имеет *социально-лингвистическую* природу и включает, как подчеркивают эксперты, некоторую номенклатуру:

- богатое литературное наследие;
- высокое модернизированное состояние языка;
- прочное положение языка в системе международных коммуникаций;
- социальный престиж носителей языка.

Среди важных концептуальных положений, относящихся к оценке престижности языка, в работах специалистов по социолингвистике сформулированы суждения на предмет того, что имидж языка – категория «менее осязаемая» по сравнению со статусными параметрами языка. Будучи связанной с оценочными установками и позиционированием со стороны говорящих, – эта престижность становится предметом *пропагандистского* воздействия.

Наконец, одним из обстоятельств решающей важности, как подчеркивается, становится то, что ценностное восприятие языков (малых или «коренных» языков – в особенности) детерминировано речевым поведением национальных элит. При этом речь идет об анализе языковых процессов в контексте постколониального дискурса, широко представленного в западном академическом пространстве. В тех случаях, когда такие элиты пропагандируют языки – идиотнические коды ранее зависимых народов, но, при этом, сами продолжают использовать «колониальные» языки, рассматриваемая престижность оказывается под вопросом.

5. Выводы и рекомендации

Прогнозирование развития языковых отношений и процессов в Республике Татарстан и в татарском культурно-языковом сообществе за рамками региона в условиях ситуации, сложившейся вокруг языковой проблематики летом и осенью 2017 года, необычайно затруднено незавершенностью поиска путей разрешения сложного комплекса объективных и субъективных (в том числе – искусственно обостряемых разнородными участниками названных отношений) узлов противоречий. К сказанному следует также добавить такие факторы, как очевидно фрагментированный нормативно-правовой базис, крайне «разгоряченный» и избыточно эмоциональный политико-информационный фон. Положение дел, сложившееся на момент завершения работы в рамках настоящего исследовательского проекта (конец октября 2017

года), характеризуется высокой степенью неопределенности и отсутствием очевидных политико-административных, организационных решений *ситуативного* порядка, которые позволили бы блокировать дальнейшее нарастание напряжённости. Следует также отметить, что наибольшую остроту приобрели аспекты языковой политики в одном из многообразных сегментов властно-управленческого воздействия на языковую ситуацию и языковые процессы в республике, а именно – в сфере образовательно-языковых отношений. Следовательно, можно разграничивать два «горизонта» планируемых мер:

– первоочередные шаги применительно к конъюнктуре момента, неотложные решения, связанные с урегулированием языковых аспектов функционирования общеобразовательных организаций в краткосрочной перспективе с целью удержания и устойчивого обеспечения этнополитической стабильности в Республике Татарстан;

– определение стратегических целевых ориентиров языковой политики на средне- и долгосрочную перспективу и, прежде всего, – для нахождения принципов воспроизводства этнополитического и культурно-лингвистического баланса в условиях, которые будут неизбежно меняться и на последующих этапах.

В качестве предмета для рассмотрения властными инстанциями Республики Татарстан, экспертным сообществом, культурной элитой, профессионалами образовательной сферы и массмедиа, заинтересованными представителями общественности могут быть предложены некоторые шаги в области языковой политики, понимаемой как система многообразных подходов, взаимно увязанных принципов и практических шагов.

События последнего времени достаточно убедительно выявляют необходимость сбалансированных подходов, которые позволили бы уравновесить наблюдаемую односторонность сложившихся способов видения политико-языковой ситуации в Республике Татарстан и, в первую очередь, вокруг положения татарского языка в системе общеобразовательных учреждений с нескольких точек зрения.

Наблюдается явное преобладание негативной тональности в информационной среде относительно будущего татарского языка вообще, и русско-(национально)-татарского двуязычия, в частности. Доминирующим становится такой оценочный смысловой комплекс, который в литературе по социальной и политической лингвистике называется «алармистским дискурсом», а соответствующая исследовательская субдисциплина – «спасательной лингвистикой», оперирующей прогнозами о неизбежной «гибели» большинства языков в обозримой перспективе /9; С. 95, 143/. В то же время с социолингвистической точки зрения, в том числе – по мнению авторитетных специалистов за пределами республики, татарский язык квалифицируется в иных категориях «...уровень коммуникативной мощности татарского языка может быть охарактеризован как очень высокий»; «полифункциональность татарского языка, его широкая социальная база и высокий общественный статус государственного языка в Республике Татарстан обеспечивает ему высокую степень витальности» /21; С. 504/, /22; С. 476/. Следовательно, несомненно полезную роль могло бы сыграть перемещение акцентов с идеологемы «близящегося исчезновения» – на высокий индекс жизнеспособности татарского языка, прошедшего длительные исторические фазисы с весьма разнообразными социально-политическими свойствами среды. Убедить людей изучать «умирающий» язык – бесперспективная задача. Татарский язык не может и не должен рассматриваться в категориях «угрожаемых» языков по аналогии с аборигенными, периферийными языками, языками «коренных» (по международной терминологии) народов и в рамках «лингвоэкологической» или «постколониальной» парадигм.

Публично-информационное сопровождение стратегических установок и практического осуществления языковой политики (тем более – в особо значимом этнополитическом контексте) нуждается в диверсификации дискурсивного (тематического и смыслового) поля. Это означает, что дискуссии не должны ограничиваться рамками одной из подсистем политико-лингвистического регулирования

– языковыми аспектами образовательной сферы (преимущественно – деятельностью общеобразовательных организаций), с одной стороны, и концентрацией общественного внимания главным образом на нормативной стороне (на законодательных и – по большей части – подзаконных актах) и технико-организационных приемах менеджмента. При всей определяющей значимости школьного обучения следует принимать в расчет и другие не менее существенные обстоятельства, в том числе – политические контексты и связанные с ними эффекты. «...Фактор школьного образования работает далеко не всегда (или даже почти никогда) именно в том направлении, которое задает официальная языковая политика. Вопрос языка преподавания часто оказывается в значительной мере частью политической игры, а политические решения принимаются далеко не всегда на основе научных исследований. При этом практики школьного преподавания, как правило, сильно отличаются от официально декларируемых принципов, и усвоение языка происходит совсем не так, как это порой кажется тем, кто пытается решить языковые проблемы» /23; С. 100-101/. Сбалансированные подходы к языковой политике в условиях Республики Татарстан целесообразно конструировать в многомерном ключе с учетом всего спектра институциональных факторов, включая – экономические, политические, социокультурные, информационные. Помимо **образовательных** (в том числе – воспитательных) измерений языкового функционирования, научного междисциплинарного исследования и разностороннего учета требуют и более масштабные и сложные комплексы отношений, связанных с **языковой социализацией**. Каналы этого типа формирования языковой личности, как известно, представляют собой сложную сеть каналов, в том числе – неформализованного плана (микросоциального, семейного, субкультурного, дружеского и проч.). Если в институционально оформленных сегментах языкового функционирования нормативные и административные инструменты регуляции выступают как действенные, то в области социализации – далеко не всегда. Следовательно, речь может идти о широком инструментарии и

технологиях влияния на языковые предпочтения индивидов и их мотивации.

Сбалансированные подходы к языковой политике применительно к рассматриваемому случаю – перспективам укрепления позиций татарского языка (что, очевидно, совершенно не равнозначно задачам спасения татарского языка от грядущей «гибели») – предполагают поиск способов соединения двух типов функциональных характеристик. Это, с одной стороны, коммуникативные (функциональные, коммуникативно-прагматичные) функции, приносящие мгновенную пользу, доступ к информации и отвечающие на потребность участников коммуникации во взаимопонимании и, с другой стороны, и символические функции, связанные с выгодами, не имеющими конкретного характера. Эти символические функции связаны с «потребностями самовыражения», с элементами этнокультурной идентичности и чувствами принадлежности к определенному сообществу. С этим последним обстоятельством непосредственно связаны **этнополитические** аспекты языкового регулирования и планирования. Далее, проблематичность прямого регулятивного воздействия на такие символические функции в контексте языкового планирования и языковой политики определяется тем, что идентичность отражает «неинструментальный аспект действия», или – нечто противоположаемое категории «интерес» /24; С. 64/.

В качестве точки соединения задач, которые соответствовали бы обеим группам функций, может быть рассмотрено такое относительно самостоятельное направление языкового планирования и языковой политики, как **планирование престижности** татарского языка. Перспективы стабилизации политико-лингвистической обстановки в Республике Татарстан, имея в виду потребности укрепления позиций татарского языка и расширения коммуникативных сфер двуязычия также, разумеется, как и расширение языковых компетенций в русском языке (плюс в знании иностранных языков) связаны с активизацией ресурсов престижности.

Татарский язык обладает значительными предпосылками упрочения престижности, прежде всего, в силу

своих генетических характеристик на своеобразной лингвокультурной карте мира. «Исконная лексика татарского языка является о б щ е т ю р к с к о й (что фактически роднит его с языками, носителями которых в мире выступают более 200 миллионов человек. – О. Я). Высокая степень развитости литературной формы татарского языка, давность его письменной традиции обусловили значительный слой заимствований арабского, персидского и русского происхождения. *Полифункциональность татарского языка как самого развитого тюркского языка в Российской Федерации обеспечена наличием в нем различных терминологических и стилистических систем* (выделено. – О. Я.)» /25; С. 451/.

По параметрам демографической и коммуникативной мощности татарский язык занимает первое место среди языков народов России кроме русского языка, что также выглядит весьма значимым фактором его престижности. При том, что удельный вес владеющих татарским языком в качестве материнского языка в Российской Федерации сокращается (что вполне объяснимо действием причин урбанизации, глобализации, централизаторскими установками федеральной образовательной политики и проч.), позиции татарского языка в системе российского двуязычия продолжают оставаться весьма впечатляющими. Татарским языком, по данным переписи 2010 года, владеют 369 тыс. башкир, 114 тыс. русских, 41 тыс. чувашей, 31 тыс. марийцев, 20 тыс. удмуртов, 6 тыс. казахов, 3,9 тыс. азербайджанцев, 2,2 тыс. мордвы, 2,8 тыс. украинцев, 1,2 тыс. армян... Социолингвистическое исследование **национально-татарского двуязычия** – в качестве не столько **проблемы**, сколько **ресурса** и дальнейшая популяризация перед массовой аудиторией позитивного жизненного (в том числе – профессионального) опыта билингов, несомненно, упрочили бы предпосылки престижности татарского языка.

Учитывая присутствие татарского языка в российском образовательном пространстве, в издательской практике и в СМИ с точки зрения его удельного веса, можно констатировать: на Республику Татарстан, на её институты языковой политики, на общественность Татарстана и

татароязычную общественность в регионах страны (Республика Башкортостан – 1 млн, Марий Эл – 38,3 тыс., Удмуртская Республика – 98,8 тыс., Чувашская Республика – 34,2 тыс., Астраханская область – 60,5 тыс., Волгоградская область – 24,5 тыс., Иркутская область – 22,8 тыс., Кемеровская область – 40,2 тыс., Кировская область – 36,4 тыс., Красноярский край – 34,8 тыс., Москва – 149 тыс., Московская область – 56,2 тыс., Нижегородская область – 44 тыс., Оренбургская область – 151 тыс., Пензенская область – 86,4 тыс., Пермский край – 115 тыс., Самарская область – 126 тыс., Санкт-Петербург – 30,8 тыс., Саратовская область – 52,8 тыс., Свердловская область – 143,8 тыс., Тюменская область – 239,9 тыс., Ульяновская область – 149,8 тыс., Челябинская область – 180,9 тыс., Ханты-Мансийский округ-Югра – 108,8 тыс.) приходится *особая миссия – ответственность* за сохранение культурно-языкового многообразия страны как базового исторического и цивилизационного основания российского социума. Этим также обусловлена престижность татарского языка, положение которого рассматривается как «модельный» ориентир развития языков народов страны.

3.4. Привлекательность татарского языка как средства обучения в общеобразовательных организациях и образовательных организациях высшего образования Республики Татарстан могла бы существенно усилиться за счет создания высоко статусных, «образцовых», «флагманских», *элитных* точек роста в виде школ, факультетов и отделений в вузах, в которых помимо использования наиболее современных форм организации учебного процесса были бы созданы инфраструктуры внеаудиторной деятельности (в том числе – досугового времяпровождения) на уровне лучших международных стандартов. Определенная концентрация ресурсов – потенциально высвобождаемых за счет перераспределения от институций, продемонстрировавших свою низкую социально-культурную эффективность и незначительную результативность проводимых мероприятий – на таких точках роста обладает перспективой перевода татарского языка и русско(национально)-татарского двуязычия на новые уровни престижности.

3.5. Рост авторитета татарского языка в сложившихся условиях нормативно-управленческой среды (фрагментарность законодательства, наличие правовых коллизий между федеральной и республиканской нормативно-правовыми системами, отсутствие реально действенной федеральной структуры в области сохранения и развития языков народов страны...) мог бы получить ощутимые импульсы организационно-структурного и институционального плана. В соответствии с Государственной программой «Сохранение, изучение и развитие государственных языков Республики Татарстан и других языков в Республике Татарстан на 2014 – 2020 годы», количество структурных подразделений органов государственной власти и органов местного самоуправления, к функциям которых отнесены вопросы реализации законодательства о языках Республики Татарстан к 2020 году «будет доведено до 47 единиц», а координатором Программы определено Министерство образования и науки Республики Татарстан. С точки зрения осуществления государственной языковой политики, это, вероятно, целесообразно. Однако современные представления о языковой политике исходят из принципа «полицентричности» – активной роли разнородных правящих и не правящих субъектов политики. В связи с этим, несомненно, позитивные результаты могли бы принести меры по обеспечению статуса координирующего центра в области языковой политики в лице Совета по языковым вопросам при Президенте Республики Татарстан (вместо Совета по реализации законодательства о языках Республики Татарстан при Кабинете Министров Республики Татарстан). Полномочия президентского органа, во-первых, оказались бы выше ведомственной ограниченности одного отраслевого органа управления и, во-вторых, вышли бы за пределы «бюрократического», «аппаратно-кабинетного» дискурса и стиля подготавливаемых документов. Носители языков в процессе их коммуникативного (тем более – символического) использования вряд ли идентифицируют себя в роли субъектов «реализации законодательства о языках». Это – также один из аспектов престижности тех решений, которые принимаются в контексте языковой политики. Наконец, существенную роль в

укреплении позиций татарского языка могла бы взять на себя такая общественная институция с международным статусом, как Общество татарской словесности. Оно могло бы взять на себя многомерные задачи:

– определенную «инвентаризацию» нормативно-правовой и программно-целевой базы языковой политики применительно к татарскому языку;

– реалистическую оценку практики постановки стратегических ориентиров такой политики и конструирование концептуальных образов языковой ситуации в Республике Татарстан и в татароязычной среде (должно ли это быть «паритетное функционирование татарского и русского языков как государственных языков Республики Татарстан» или же это обеспечение устойчивых предпосылок будущности татарского языка и двуязычия);

– адекватную идентификацию угроз этноязыковой стабильности в Республике Татарстан – как факторов собственно лингвистического плана (интер- и интралингвистического плана), так и обстоятельств экстралингвистической природы и определение мер по своевременной и действенной нейтрализации таких угроз.

Публично-информационная роль такой общественной институции могла бы быть свободной от стилистики чиновничьей документной продукции, соответствовать канонам открытости и доступности для понимания обычными людьми.

Престижность татарского языка как такового, управленческих решений в сфере «языкового менеджмента» в его полицентричном понимании зависит также от корректного употребления соответствующих идеологем. Призывы воздержаться от «политизации» в этой области содержат в себе некоторые риски оказаться контрпродуктивными. Языковая проблематика, по-видимому, ни в каких обстоятельствах объективно не может быть до конца свободной от политических смыслов и контекстов. «Деполитизировать» вопросы языковой политики – задача, порождающая некоторую двусмысленность.

Альтернативной идее такой «деполитизации» могла бы стать установка, которую можно было бы определить в виде **конструктивной политизации**. Предоставления, установки и поведение в сфере языковой политики, будучи развернутыми в сторону языка (дву- и многоязычия) как **публичного блага**, в сторону ответственных гражданских позиций и этнолингвистической безопасности в стране и регионе – все это лежит именно в этом смысловом русле.

В виде самых предварительных прогнозов относительно политико-языковых процессов в Республике Татарстан можно было бы сформулировать два сценарных варианта:

– пессимистический тренд в этой области сохранится в случае, если будет продолжено доминирующее использование административно-бюрократических технологий воздействия на языковое поведение различных общественных групп, а также артикуляция существующих проблем и предлагаемых решений в духе чиновничьего, «кабинетного» дискурса; максимально возможный позитивный исход в рамках этого сценария – развитие ситуации от одного ситуативного компромисса к другому;

– оптимистический вектор связан с многосторонними и ответственными усилиями участников языковых отношений в политически конструктивном духе (институтов власти и гражданской самодеятельности), с поиском современных инструментов воздействия на языковой выбор индивидов и общественных групп, с формированием их позитивных установок и восприятием языковых ресурсов как публичного блага и как пользующихся высоким престижем.

Литература

Алтатов В.М. Двадцать лет спустя // Язык и общество в современной России и других странах: Международная конференция (Москва, 21–24 июня 2010 г.): Доклады и сообщения. М., 2010.

Антропология медиа: теория и практика / Под ред. В.К. Мальковой, В.А. Тишкова. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2016.

Баранова В.В., Гаврилова Т.О., Панова Е.А., Федорова К.С. Язык, общество, школа. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 100–101.

Баскаков А.Н. Татарский язык // Письменные языки мира. Языки Российской Федерации. Книга 1. М.: Academia, 2000. С. 451.

Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. С. 64.

Горячева М.А. Преподавание языков народов России в школе: социолингвистический аспект // Языковая политика в сфере образования: инструмент формирования общероссийской гражданской идентичности: Всероссийский семинар-совещание: Сборник материалов. М.: НФ Международных интеграционных технологий, 2016. С. 19–23.

Горячева М.А. Языковая ситуация в республиках Татарстан, Саха (Якутия), Бурятия и Коми как иллюстрация видов соотношения русского и титульных языков // Решение национально-языковых вопросов в современном мире. Страны СНГ и Балтии. М., 2010. С. 504.

Кожмякина В.А. Татарский язык // Язык и общество. Энциклопедия. М., 2016. С. 476.

Кронгауз М.А. Заметки рассерженного обывателя // Отечественные записки. 2005. № 2. // www.strana-oz.ru/2005/2.

Марусенко М.А. Эволюция мировой системы языков в эпоху постмодерна: языковые последствия глобализации. М.: Издательство ВКН, 2015. С. 114–115.

Письменные языки мира: Языки Российской Федерации: Социолингвистическая энциклопедия. Книга 1. М.: Academia, 2000.

Российский статистический ежегодник. 2016. М.: Федеральная служба государственной статистики, 2016.

Сагитова Л.В. Отражение языковой ситуации в республиканских СМИ и Интернет-ресурсах // Государственные языки Республики Татарстан: множественность измерений: Сборник очерков / Под ред. Г.Ф. Габдрахмановой, Г.И. Макаровой. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ; Изд-во «Артифакт», 2014.

Словарь социолингвистических терминов / Отв. ред. В.Ю. Михальченко. М., 2006.

Тишков В.А., Степанов В.В., Функ Д.А., Артеменко О.И. Статус и поддержка языкового разнообразия в Российской Федерации: Экспертный доклад. М., 2009.

Язык и общество: Энциклопедия. М.: Азбуковник, 2015.

Языковое многообразие Российской Федерации: проблемы и перспективы. Аналитический вестник 24. Серия: Государственное строительство и конституционные права граждан. М.: Фонд электронных информационных ресурсов Государственной Думы, 2010.

<http://iam.duma.gov.ru/node/8/4384>

Haarmann H. Language planning in the light of a general theory of language: A methodological framework // International Journal of Sociology of Language. 1990. No 86.

Investing in Cultural Diversity and Intercultural Dialogue. UNESCOWorldReport. Luxembourg, 2009. P. 77. www.unesco.org/en/world-reports/cultural-diversity (дата обращения: 15 июля 2017).

Jernudd B., Nekvapil J. History of the field: a sketch // The Cambridge Handbook of Language Policy. Cambridge, 2012.

Johnson D.C. Language Policy. N.-Y.: Palgrave Macmillan, 2013.

Kaplan R.B., Baldauf Jr. R.B. Language Planning From Practice to Theory. Clevedon: Multilingual Matters LTD, 1997.

Lewis P., Simons G. Assessing Endangerment: Expanding Fishman's GIDS // Revue Roumaine de Linguistique. 2010. 2. P. 103-120.

Tatar in the Language Cloud // Simons, Gary F. and Charles D. Fennig (eds.). 2017. Ethnologue: Languages of the World, Twentieth edition. Dallas, Texas: SIL International. Onlineversion: <http://www.ethnologue.com>. – Дата обращения: 30.09.2017.

UNESCO Atlas of the World's Languages in Danger // www.unesco.org/culture/language-atlas (дата обращения: 20 августа 2017).

Я41 **Языковая** политика в современной России: проблемы и перспективы: Сб. экспертных докладов / Отв. ред. М.А. Омаров. М.: РГГУ, 2018. 143 с.
ISBN 978-5-7281-2059-9

В сборник вошли два экспертных доклада по языковой политике в современной России. Дается оценка проводимой в стране языковой политики с позиций сохранения языкового многообразия, предотвращения возникновения конфликтов и совершенствования законодательства и правоприменительной практики в сферах регулирования межнационального общения. Раскрывается роль государственных министерств и ведомств в обеспечении реализации одного из главных направлений Стратегии государственной национальной политики – сохранения этнокультурного многообразия страны. Анализируются конкретные языковые ситуации и формулируются основные принципы языкового планирования. Описываются правовые статусы языков и уровни обеспеченности языковыми правами членов языковых сообществ.

Для руководителей и сотрудников федеральных, региональных и муниципальных профильных комитетов и комиссий, руководителей и членов общественных организаций, научных сотрудников, преподавателей, аспирантов, студентов и всех, кто интересуется актуальными проблемами реализации основных направлений Стратегии государственной национальной политики РФ.

УДК 323.1(470+571):811(08)
ББК 66.3(2Рос)я43+81.2я43

Научное издание

Языковая политика
в современной России:
проблемы и перспективы

Сборник
экспертных докладов

Подписано в печать 24.04.2018.

Формат 60×90¹/₁₆

Усл. печ. л. 9,0. Уч.-изд. л. 9,4.

Тираж 100 экз. Заказ № 216

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rggu.ru